

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Мануэль САРКИСЯНЦ

**АНГЛИЙСКИЕ
КОРНИ
ТРЕТЬЕГО
РЕЙХА**

**ОТ БРИТАНСКОЙ
К АВСТРО-БАВАРСКОЙ
«РАСЕ ГОСПОД»**

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)6
С20

Manuel Sarkisyanz. Adolf Hitlers englische Vorbilder:
Vom britischen zum ostmärkisch-bajuwarischen
Herrenmenschentum. Vorlesungen, gehalten an der
Heidelberger Universität. Ketsch am Rhein, 1997.

Саркисянц, Мануэль.

С20 Английские корни Третьего Рейха : от британской к австро-баварской «расе господ» / Мануэль Саркисянц ; [перевод с немецкого М. Ю. Некрасова]. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 576 с.

ISBN 978-5-9955-1145-8

Известный историк Мануэль Саркисянц прослеживает теснейшую связь Британской империи и чудовищных идей Гитлера. Автор во всех подробностях рассказывает о Великобритании как прообразе государства расового единства, идеализации Третьего Рейха в британском истеблишменте, фашистских партиях Англии, теоретических и практических подходах британских и немецких расистов, участии англичан во Второй мировой войне на стороне нацистов, а также о том, почему «Индией» Гитлера должна была стать Россия, а русские – туземцами для «расы господ».

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)6

ISBN 978-5-9955-1145-8

© Некрасов М.Ю., пер. с нем., 2023
© ООО Яуза-пресс, 2023

*Памяти Кэтрин, герцогини Атолской, британской
аристократки, пожертвовавшей постом
депутата от партии консерваторов во имя
справедливого дела республиканской Испании [1].*

Это... не могло быть правдой,
потому что шло вразрез с общеизвестными
представлениями о правде.

Эдвин Джонс. «Английская нация. Великий миф»

Предисловие

Эта книга почти наверняка подвергнется нападкам. Ей будут приписывать то, чего в ней нет, несмотря на то что практически весь материал, на котором она построена, основан на документах, причем на документах, опубликованных ранее и не вызвавших критики.

Нельзя назвать новым то наблюдение, что «большинство англичан не могут править, не заявляя при этом о своем превосходстве, и что они всегда были подспудно озабочены проблемой цвета кожи», — это отмечал еще Бенджамин Жове, преподаватель оксфордского колледжа в 1870—1893 гг. Известно и то, что, к примеру, лорд Альфред Милнер, верховный комиссар Англии в Южной Африке, заявлял: «именно британская раса [2] создала империю... только британская раса способна сохранить ее», упоминал он и об «узах крови». Не являются открытием и свидетельства привязанности Гитлера к Англии, привязанности, граничившей с преклонением и выразившейся, например, в насмешках над стремлением Индии к независимости. Общеизвестно (по крайней мере так было раньше), что Гитлер восхищался Англией именно как расист.

Еще в классическом исследовании Тойнби отмечался тот факт, что «расовые предубеждения, порожденные английским протестантством... к несчастью, стали определяющим фактором в становлении расовых отношений во всем западном мире». Неоднократно публиковалось и следующее, явно преувеличенное, заявление либерала сэра Чарлза Дилка об уникальности английской практи-

ки геноцида: «Англосаксы — единственная истребляющая раса на земле. Никогда еще — вплоть до начала ставшего теперь уже неизбежным уничтожения индейцев... маори и австралийцев [аборигенов] — ни одна столь многочисленная раса не была стерта с лица земли завоевателями». О том, что уничтожение аборигенов Австралии в значительной степени явилось следствием преобразований в метрополии, первой из стран Европы ставшей на путь экономического рационализма, писал еще более десяти лет назад Ричард Рубинштейн в изданном в Лондоне сборнике «Мозаика жертв. О не-евреях, преследовавшихся и уничтоженных нацистами» (под редакцией Беренбаума, директора американского Мемориального музея холокоста). Рубинштейн подтверждал и то, что «связь между геноцидом, проводившимся поселенцами колоний XVIII—XIX веков, и геноцидом XX века может быть прослежена в гитлеровской программе “жизненного пространства”»: опыт колонистов служил для Гитлера «моделью, которой должна была следовать Германия на востоке европейского континента». Однако нельзя не отметить существенных различий в идеологии вдохновителей и вдохновленных — разницы между обществом, практикующим геноцид, и государством, в котором он является частью официальной политики. «Нацистская Германия была государством, проводившим политику геноцида... [а Британская] Австралия — обществом, практиковавшим геноцид». В английской среде (как в колониях, так и в самой Англии) давление общества значило гораздо больше, а давление государства — гораздо меньше, чем в Германии (см. прим. 213—222). Истребление австралийских аборигенов проводилось спонтанно, а не по приказу правительства. Хотя Гитлер и стремился развить у немцев именно такой спонтанный «расовый инстинкт», Ричард Рубинштейн совершенно справедливо отмечал следующее различие: «уничтожение аборигенов... в Австралии являлось непреднамеренным следствием государственной по-

литики», в отличие от истребления жертв нацизма, которое было совершенно преднамеренным и проводилось по приказу Гитлера. И все же нельзя не поставить «в заслугу» обществам, практиковавшим геноцид, то, что «они сподвигнули Гитлера на повторение этой практики, а его государство — на планомерное претворение ее в жизнь» [3] (очевидно не доверяя «расовым инстинктам» немецкого общества).

Однако даже такое простое повторение давно известных вещей — по-настоящему злободневных — нарушает общепринятое табу. Бесспорные различия, существующие между британской расистской практикой и аналогичной практикой Гитлера, становятся «аргументом» в пользу того, что английские теории не могли повлиять на нацистскую идеологию. А поскольку в XX веке Гитлер проводил геноцид, а Британия — нет, то делался вывод, что Англия вообще ни в чем не повлияла на фюрера: табу никогда не отличались логикой.

Это табу является гораздо более священным в Германии, чем в самой Британии, поскольку в Германии фашистское прошлое остается намного более острой темой, чем эпоха правления королевы Виктории и короля Эдуарда VII в Англии.

В результате именно британские данные послужили источником для темы этой книги. Именно британская сторона интересовалась английскими корнями некоторых важнейших установок Гитлера — от британского социалдарвинизма до ненависти к демократии Томаса Карлейля. Так, Ричард Терлоу утверждал, что государственная политика Британии «способствовала становлению фашистских идей в Европе... нацистского расизма и империализма». «Британское влияние на континентальный фашизм... помогло развитию фашизма, особенно в Германии» [4]. Пол Хейз напоминал о «существенном вкладе британских интеллектуалов в формирование фашистской мечты о мировом господстве одной расы... Английские социал-

дарвинисты подарили своим нацистским последователям оправдание...» [5]. Пол Хейз обращал внимание и на то, что именно Бенджамин Кидд установил взаимосвязь между естественным отбором и процветанием нации — эту идею, с незначительными изменениями, перенял у Кидда гитлеровский идеолог Альфред Розенберг [6]. Из киддовской «науки о власти» Гитлером были усвоены [7] представления о «закономерностях», в соответствии с которыми сама природа при помощи механизма «социальной наследственности» низводит какой-то народ до уровня «низшей расы» — причем эту «социальную наследственность» может регулировать и государство [8]. По мнению Хейза, самое сильное и самое продолжительное влияние на фашистов оказало расистское направление социалдарвинизма, которое создал Карл Пирсон (бывший колониальный чиновник, а затем — до 1933 года — профессор евгеники в Лондоне), ратовавший за «борьбу расы против расы и выживание сильнейшей расы» [9].

Британские исследователи, интересовавшиеся влиянием английских образцов на Гитлера, не ограничиваются признанием роли одного только «естественно-научного подхода». «Критическое отношение Карлейля к демократии... можно назвать фашистским — и иногда это и в самом деле фашизм», — писал Уолтер Хотон [10]. Лондонское «Anglo-German Review» за 1938 г., пропагандируя режим Гитлера, совершенно однозначно утверждало, что Карлейль был «первым нацистом» [11]. Характеристика английских бедняков Гитлером (и его наставником — Хьюстоном Стюартом Чемберленом) также была предвосхищена Карлейлем, отзывавшимся о рабочем классе как о «бесчисленных скотах», «бездушных тварях, отребье». Карлейль видел в них «обезьяньи рожи, чертовы рыла... собачьи морды, тяжелые и угрюмые бычьи головы». В воинственном и иерархическом обществе, о котором мечтал Карлейль, работал миллион черных рабов, а править ими должна была сотня тысяч белых рабовладельцев — совсем

как у Гитлера и главы СС Генриха Гимmlера, планировавших ввести подобные порядки на территории побежденной России. И точно так же, как Карлейль утверждал, что давать чернокожим образование — значит идти против воли Бога, Гитлер писал в «Mein Kampf»: «давать образование готтентотам и зулусским кафрам — значит идти против Воли вечного Творца» [12]. В таком же ключе можно охарактеризовать и влияние Редьярда Киплинга: «Многие из тех идей, которые придают произведениям Киплинга особую силу и привлекательность... трудно отделить от того, что способствовало становлению... господства фашистской идеологии, особенно в Германии» [13].

«Одними из немногих английских учреждений, которые воссоздал у себя Гитлер», были британские паблик-скулы, — отмечал директор школы Харроу, сэр Сирил Норвуд, подчеркивая тем самым заслуги английских школ... А директор паблик-скулы в Лоуэстофт, обращаясь к британским читателям, назвал гитлеровские «наполас» [14] «немецкими паблик-скулами» («Public Schools in Germany») [15]. Подобного мнения в 1937 г. придерживался и директор другой английской паблик-скулы Дж. Тейт [16]. В том же году этот же наставник паблик-скулы заявил, что к «тому времени, когда парни из «напола» Бакнанга начнут командовать... национал-социалистские правители будут обладать здравым смыслом в той же мере, в какой его приписывают британским офицерам, то есть станут настоящими белыми “пака”-сахибами [17]» [18]. В 1938 г. мистер Роуен-Робинсон, делая в английском королевском институте международных отношений доклад о «воспитании будущих вождей нацистов», отметил, что нацистские заведения «во многих отношениях построены по образцу... английских паблик-скулы» [19].

Обергруппенфюрер СС Гейсмейер [20] также отмечал параллели между английской и нацистской воспитательными системами. В том же 1938 г. этот эсэсовский авторитет заметил, что «воспитательные средства и зада-

чи [британских паблик-скул] ... уместны и в наших заведениях» [21]. Говоря о целях воспитания, нацисты утверждали, что в школах для элиты, наподобие английских паблик-скул они стремятся «вырастить будущих фюреров [Fuhrenachwuchs]» [22]. Немного позже апологет нацистской педагогики Теодор Вильгельм (1906–?) гордо заявлял, что «наполас ближе всего стоят к британским паблик-скул», и обещал: «За несколько лет мы догоним британские паблик-скул» [23]. Роберт Лей [24] также предпочитал немецким кадетским заведениям соответствующие британские школы: ведь «Англия со своей итонской системой... построила мировую империю» [25]. Нацистские воспитатели подчеркивали, что «паблик-скул, как, например, Итон — оплот старой доброй английской традиции — призваны воспитывать фюреров подобных тем, которые... правят Англией и английской империей» [26].

На момент объявления войны Германии (1939), 76% английских епископов, судей, директоров банков и управляющих железными дорогами, а также чиновников (включая чиновников из Британской Индии) и губернаторов доминионов являлись выпускниками паблик-скул. 70% генерал-лейтенантов и высших военных чинов вышли из четырех паблик-скул, главным образом — из Итона и Харроу. Призванные защищать Англию — страну с выборной парламентской системой — от тоталитарной Германии, англичане сами были продуктом авторитарной системы, авторитарной морали паблик-скул, хотя и не «тоталитарной дисциплины», как (не без преувеличения) уверял Т. Уорсли в своей книге «Barbarians and Philistines. Democracy and the Public Schools», вышедшей в 1940 г. [27] Еще более резкая критика в адрес паблик-скул содержится в книге Х. Дж. Филда, вышедшей в Оксфорде в 1982 г.: «английского мальчика методично заставляют воспитывать волю... учат подавлять любые внешние выражения чувств». «Аскетическая, бесполовая, нарциссическая культура имперской мужественности сводит сам

предмет на нет. Она подготовила почву для культуры смерти», — писал Филд. Британский историк Дж. А. Мэнген указывал на то, что «всевозрастающее имперское самосознание среди [британских] учеников паблик-скул... и видение своей главной задачи в воинственном самопожертвовании... поразительно схожи с тем, что переживала элита гитлеровских наполос» [28].

Неудивительно, что в такой ситуации немецкий историк Гервин Штробль, выступая с лекциями в университете британского города Кардиффа, заявил: «было бы глупо и нелепо утверждать, будто гитлеровские наполос хоть в чем-то копировали британские паблик-скул» — и это несмотря на многочисленные свидетельства наставников паблик-скул и самих нацистов.

Тем не менее в своей книге «Тевтонский остров. Восприятие Британии нацистами», опубликованной в 2000 г. в Cambridge University Press, Штробль отмечал, что даже в Германии 1920-х гг. «восхвалять британскую силу воли, решимость и жесткость, восхвалять британские паблик-скул, призванные воспитывать правителей и растить... лидеров, и подчиняться там, где лидировать невозможно, или приветствовать такие британские установки, как “это моя страна, права она или не права”, значило очень точно предрекать дальнейший путь развития Германии... Восхваление подобных [английских] добродетелей было для нацистов тем более необходимым, что именно эти ценности были забыты в [демократической] Веймарской республике с ее пацифизмом; и победы британцев все в большей и большей степени становились победами нацистов». И действительно, ссылаясь на комментарии эсэсовского журнала 1935 г., Штробль совершенно верно отметил «готовность Третьего рейха видеть в Британии свое альтер эго» [29].

(Гитлер еще в 1935 г. заявил: «Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели». А в 1920 г. нацистский теоретик расизма Ханс Гюнтер

назвал английский язык языком «безжалостного акта воли». «Воля была... центральным понятием... нацистской веры», — справедливо отмечал Штробль. Англистика, наука, процветавшая при нацистах и занимавшаяся изучением Англии, характеризовала английский язык как «язык воли, язык борьбы за выживание, язык, в котором до сих пор действуют “законы жизни”, а значит, проявляется воля расы, воля крови». «Постепенно в глазах английской прессы мы получим равный с британцами социальный статус, потому что мы действуем безжалостно», — настаивал Гитлер [30].)

Штробль совершенно верно заметил, что «обращение нацистов к реальным или воображаемым британским образцам... носило характер... откровенного восхищения». В результате в гитлеровской Германии Сесил Родс стал героем книг, названия которых очень точно отражали природу его привлекательности в глазах нацистских читателей: «Завоеватель», «За Великое Отечество» или «Мечта о мировом господстве». Тот факт, что «Гитлер в течение долгого времени расценивал Британскую империю в качестве образца для предстоящей экспансии Третьего рейха» (как писал Штробль), в те времена представлялся гораздо более очевидным, чем сейчас. Я не случайно так подробно и много цитирую здесь книгу Гервина Штробля — сам статус издательства, выпустившего ее (Cambridge University Press), снимает все обвинения и подозрения в «апологетике и предвзятости», которые непременно возникли бы, будь эта книга опубликована за пределами Британии, а особенно в Германии. Так, самая важная глава книги Штробля носит название «Британия как модель для нацистской экспансии». В самом начале вышеупомянутого исследования — еще до титульной страницы — напечатано следующее откровение: «Одна из фундаментальных задач нацистов заключалась... в подражании «безжалостности» Британской империи по отношению к Восточной Европе». «Нельзя не вспомнить отзывы Гитлера об Ин-

дии или Северной Америке как о моделях для будущего германского правления в России, и его восхищение... непрременной “безжалостностью” Англии... В 1937 г. немецкая молодежь была обязана изучать англосаксонскую историю, чтобы преодолевать собственные угрызания совести... Нацистские лидеры ни в коей мере не порицали опыт империалистической Британии. Они надеялись добиться такого же результата». Гитлер настаивал, что увеличение дистанции «между расой господ и низшими расами заложено в самой сердцевине британского империалистического этоса и является секретом успеха британцев... Несомненно, именно здесь кроется связь между расой и империей (идея этой связи доминировала во взглядах Гитлера в течение всей его жизни), именно здесь кроется объяснение настойчивых утверждений Гитлера о том, что в управлении Россией Третьему рейху следует брать пример с британского правления в Индии» [31].

Это рассуждение дополняет сделанный в 1971 г. вывод о том, что восхищение Британской империей и британский колониальный опыт послужили для Гитлера оправданием собственных империалистических амбиций. «Британское правление в Индии стало для Гитлера моделью, на которую... он собирался ориентироваться... при создании своей империи на Востоке. В застольных разговорах он часто проводил параллели между собственными планами завоевания и завоеванием Индии Британией, заканчивая свою речь рассуждениями о будущей империи на Востоке», — писал Йоханнес Фойгт.

И действительно, фюрер постоянно и неизменно возвращался к одной и той же теме — он словно бы внушал всем немцам: если вы не станете такими, как англичане, вы не добьетесь мирового господства. Но каково же было представление немцев об англичанах, нации, которой они стремились подражать? Вот как характеризовал англичан один эсэсовский источник 1940 года, являвшийся руководством по покорению сердца Англии и превоз-

носивший черты, свойственные британскому правящему классу: «Джентльмены, не озабоченные какими-либо философскими изысканиями... обладающие огромной силой воли и неуемной энергией, считающие духовные ценности пустой тратой времени... но при этом знающие, как надо управлять. Это люди... видящие смысл своей жизни в продвижении интересов английского правящего класса». «По сути это определение было не чем иным, как скрытой характеристикой их [лидеров СС] собственных нравов, спроецированных на других, скрытым выражением собственных качеств», — утверждала гамбургская консервативная газета [32].

Но нацистская доктрина видела в «истинном патриотизме англичан» не только образец для подражания. «Англичане добились того, чего нам... до сих пор не хватает»; «англичане принадлежат к тевтонской нордической расе, и уже по одной этой причине им предопределено быть гордыми... и высокомерными». Утверждалось, что «вера в фюрера и его божественную миссию» свойственна как «немцам, так и англичанам, и, следовательно, является тевтонской». Один из нацистских гарантов этой идеологии — Кригер заявлял, что «вера в божественное предопределение свойств расы является чем-то абсолютно естественным; то, что человек ощущает внутри себя как голос крови, переживается как призыв Бога, обращенный к нему. Именно из этого закона Жизни и Расы исходили все англичане, завоевавшие новые земли для своей империи».

Даже за год до гитлеровских планов вторжения 1940 г. Англия оставалась образцом для последователей фюрера. «Представляя британское стремление к мировому господству как эгоистическое побуждение и обличая их веру в собственную миссию как хитрую уловку, мы оказываем медвежью услугу национальному политическому образованию. Напротив, наши воспитанники должны понимать, что именно религиозность, готовая к действию и полная

силы воли, которая направлена на благо нации, так рано сделала Англию столь могущественной мировой державой... И тем более решительно следует призвать силу воли наших воспитанников сделать для Германии то, что англичане сделали для своей страны, основываясь на том же наследии». Подчеркивая свое сродство с Англией, нацисты постоянно высказывали свое восхищение британским империализмом, видя в нем «модель и оправдание для собственных захватнических планов». Именно осознание британцами своей божественной Избранности — как никакая другая черта британского национального характера — привлекало нацистов, подчеркивая общие для них расовые принципы [33].

Привлекало настолько сильно, что даже ветхозаветный (а на самом деле неоиудаистический) характер английского постпуританского «патриотизма... вера в то, что англичане являются избранной нацией, в то, что «Бог — англичанин» [34] (Рафаэль Самуэль), ни в коей мере не умаляли страстного желания нацистов подражать англичанам, используя именно такой источник чувства собственного превосходства. Нацисты стремились культивировать настроения, подобные тем, о которых пишет Уильям Блейк в своем «Иерусалиме» («the divine Voice: I elected Albion for my glory; I gave to him the nations of the whole earth»), исключительно как образец для построения мирового господства.

Фридрих Брие еще до прихода нацистов к власти утверждал, что английский Бог, сражающийся с богами «неверных», воинственный Бог Ветхого Завета, противопоставит Богу Достоевского, его представлению о русском Христе, спасителе мира [35]. Для Гитлера же Англия в первую очередь ассоциировалась с правом власти. При этом он не понимал, что британская империалистическая власть должна была действовать в качестве моральной силы. Отмечалось также, что британский империализм спасало присущее ему в достаточно высокой степени чув-

ство моральной ответственности [36]. В год прихода Гитлера к власти в Англии было опубликовано написанное в XIX веке заверение в том, что «несправедливость остается несправедливостью и ее тем более нельзя оправдать... когда ее жертвами становятся беззащитные люди...», что «высокомерие, несправедливость и душевная черствость... среди людей, облеченных властью, являются грехом против Божественной Воли и... влекут за собой страшную кару», пусть даже «те, кто презирает евангельские добродетели», не понимают этого. А за век до этого один протестантский гимн выражал беспокойство, не помешают ли «черные преступления», совершенные в далеких краях, прославлению Спасителя. В самом деле, «убежденность в том, что привилегии, данные нации, подразумевают ответственность нации, а прегрешения нации повлекут за собой ее наказание, помешала использовать чувство избранности Богом исключительно в целях безжалостной империалистической эксплуатации» [37].

Морализм Гладстона также сыграл серьезную роль в преодолении мещанских тенденций в обществе, ориентированном на денежные ценности, и лицемерных заявлений о моральном долге. Это был период, когда предоставление свобод стало считаться особой миссией Британии — речь шла о предоставлении свободы рабам (после того как Англия перестала быть мировым лидером в работорговле). «Борьба с рабством и работорговлей продемонстрировала британский гуманизм в действии... Таким образом, право на власть было связано с моральными установками» англичан [38].

Однако на деле эти установки были направлены скорее против работорговли, которой занимались арабы, а не сами англосаксы (например, североамериканские южане). «Хрупкое равноправие... между [белым] охотником и африканским вождем, [британским] торговцем и его африканской любовницей, или миссионером и потенциальными новообращенными было в значительной

степени нарушено... расовыми установками». И «с тех пор, как империя стала прочной, британцы оказались неспособны относиться к африканцам как к человеческим существам», — утверждали авторы «Прелюдии к империализму». «Отношения африканских племен друг к другу затмевали этноцентризм отдельных британцев... В результате африканская жизнь обезчеловечивала и доводила до звероподобного состояния чувствительность людей» [39]. В подобном же духе высказывался и полковник Бедфорд Пим (в третье десятилетие правления королевы Виктории) в Лондонском антропологическом обществе: «Англии еще предстоит учиться тому, как следует править чужеродными расами». И последовавшая затем резня британского гражданского населения индийскими «мятежниками» в 1857 г., ставшая предпосылкой для паники из-за вымышленного негритянского бунта на Ямайке в 1865 г. (страха перед «неграми, пьяными от крови» и «спятившими от возбуждения»), даже в большей степени, чем страхи, связанные с освобождением рабов в Соединенных Штатах, повлекла за собой господство расистской идеологии в Викторианскую эпоху [40].

(Расизм англосаксов не в последнюю очередь был направлен и против кельтов. Так, Томас Карлейль спрашивал: «Разве это не великое благословение — избежать участи родиться кельтом?»); большинство ирландцев были, по его мнению, «свиньями в человеческом обличье» (1849). «В голодные годы 1846–1848 гг. стало ясно, на какие крайние меры готова была пойти Англия, чтобы очистить Ирландию от коренных жителей. Послабления, которые давало ирландцам английское правительство... осмотительно сохранялись на уровне, обеспечивавшем соответствующие демографические перемены... приветствуемые лидерами английского общества и правительства: «Смертность от голода и эмиграция... очистили земли от нерентабельных производителей и освободили место для более совершенного сельскохозяйственного предприятия», —

напоминал Ричард Рубинштейн. К 1850 г. эдинбургский профессор анатомии Роберт Нокс не только стал приписывать ирландцам целый ряд качеств, несовместимых с чертами среднего класса. Он «научно доказывал», что «источник всех бед Ирландии кроется в расе, кельтской расе Ирландии... Следует силой изгнать эту расу с земель... они должны уйти. Этого требует безопасность Англии». Ведь «человеческие качества зависят исключительно от расовой природы».)

Такие установки не в последнюю очередь способствовали изменению представлений британцев о туземцах в 1865 г. Даже те протестанты, которые отказывались принимать доктрины англиканской церкви и считали (в начале — середине XIX века), что церковь не имеет отношения к мирским делам, и, следовательно, не сильно верившие в божественную избранность Британской империи, стали приобщаться к делу империалистов. Таким образом, ко времени формирования взглядов Гитлера в Британии стало преобладать то течение британской империалистической мысли, которое считало, что колонии существуют исключительно для блага расы господ — вместо предшествовавшего ему британского же представления о колониях как о «ниспосланной Богом возможности нести в мир доброе [нравственное] правление» (как писала Кэтрин Тидрек) [41]. В результате Гитлер увидел в британском империализме только последнее направление, исключая предшествующее. Однако фюрер немецкого народа не сильно ошибался, усматривая в империализме англичан только одну сторону, отражавшую ту точку зрения, которая превалировала в годы его юности. В то время, когда Гитлер учился в школе, Сесил Родс заявил (1899): «Либералы и консерваторы из кожи вон лезут, чтобы показать, кто же из них — самые великие и исполненные энтузиазма империалисты». Один из них — Лайонел Кертис — (между 1934 и 1937 гг.) опубликовал трехтомное сочинение «Civitas Dei», призванное «доказать... что Британское

содружество явилось... высшим воплощением... “Нагорной проповеди, переложенной на язык политики”». И все же даже в момент наивысшего расцвета империализма англичанин Сидней Болл из Оксфорда утверждал, что «империализм является последним прибежищем негодяя» (как однажды заметил доктор Самуэль Джонсон по поводу патриотизма) [42].

(Вероятно, Англия — единственная в мире великая страна, в которой «интеллектуалы стыдятся собственной национальной принадлежности», — заявил как-то Джордж Оруэлл — еще до того, как Германия была запятнана зверствами национал-социализма. «В [некоторых] левых... кругах полагают, что в принадлежности к английской нации есть нечто постыдное...» [43])

Еще один оксфордский профессор — Винсент Харлоу — нарушал непререкаемое правило, согласно которому джентльмен никогда не должен выказывать своих чувств: он приводил в замешательство будущих колониальных чиновников тем, что не мог без слез говорить о благородной миссии попечительства по отношению к отсталым расам... Стоит вспомнить и Гарфилда Тодда, который начиная с 1920-х гг. был миссионером в Родезии. После того как Родезия отделилась от Великобритании, Тодд был арестован за свои выступления против расовых притеснений [44].

Однако подобные примеры являлись лишь исключением. Не только в дни расцвета Британской империи этос империализма пронизывал буквально все средства массовой информации. «В массовой культуре не существовало никакого антиимпериализма», — утверждал Джон Маккензи. «Критика [империализма] замалчивалась; пародии высмеивали сами себя» в мюзик-холлах. Даже в 1930-е гг. Джон Ю. Норвич вспоминал: «Империя окружала нас повсюду... она была основой нашей жизни. Тогда мы все были империалистами». Даже после окончания Первой мировой войны «Британия все еще могла позволить себе

смотреть на мир через призму своего особого имперского статуса... расового превосходства и высокого национального самомнения... Давая четкие определения характерных признаков британской «расы», создатели книг для юношества решительно отграничивали англичан от представителей других рас». Даже оксфордский профессор истории Джеймс Энтони Фрод высказывался против отмены рабства для африканцев. После 1890 г. в Британии практически перестали ставить мелодрамы о жизни чернокожих рабов, которые раньше играли для рабочих. Мелодрамы в мюзик-холлах «больше не настаивали на том, что целью британского правления является освобождение» [45].

Подданные Британии, лишённые в своем большинстве избирательных прав, вынуждены были довольствоваться «правлением лучших», тех, кто занимал более высокое положение [46]. Однако и после того, как это большинство получило некоторую возможность участвовать в политической жизни, оно практически не обладало политическим сознанием. Тем не менее «консервативные классы считали, что рабочие чувствовали свою отчужденность от основных ценностей и потому представляли опасность... В результате между двумя войнами в Британии была создана политическая культура среднего класса, построенная на противостоянии угрозе со стороны недовольного рабочего класса». «В конце Первой мировой войны британский средний класс был мобилизован... перед лицом растущей враждебности к политике, проводимой рабочим классом», — писал Росс Маккиббин. В качестве примера он цитировал слова Ричфорда, опасавшегося «бесчисленных людских масс, не признающих ни одного из стандартов человеческого общества и всегда готовых поглотить их». Авторы «Тайного сговора Чемберлена и Гитлера» приводят воспоминания, касающиеся леди Дианы Мэннерс, которая во время всеобщей забастовки 1926 г. «слышала скрип тележек и падение отрубленных голов». В от-

вет на ее взволнованные расспросы, когда же они смогут достойно уехать из страны, ее муж Дафф Купер отвечал: «не раньше, чем начнется резня». И все это несмотря на то что избиратели от британского рабочего класса сохраняли почтительное отношение к консервативной элите и придерживались мнения, что она «более приспособлена для руководства», чем они сами. (Этого отношения не смогли изменить даже ужасные условия жизни рабочих, например, на рудниках Южного Уэльса, которые описал в своих романах Кронин.) При этом рабочие презрительно или же безразлично относились к остальному миру. Они испытывали «чувство искреннего удовлетворения от того, что являются британцами, а не какими-нибудь иностранцами» [47]. Именно такое отношение было свойственно Сесилу Родсу и «лучшим представителям» британской расы, именно такое отношение ранее стремился привить британцам премьер-министр Дизраэли. (Посол Его Величества короля Великобритании, сэр Невилл Гендерсон полагал, что «все иностранцы невыносимы».)

«London Financial News» была тревогу, утверждая, что даже собственная «политическая машина Британии до такой степени подчинила себе британское человечество (sic), что ей удалось втиснуть в одну десятую избирательных участков британского парламента людей чужой крови в качестве своих представителей... Чужеродная кровь... из синагоги Каиафы... может просочиться на самые верха британской политической машины». Демократические реформы, проводимые этой «политической машиной, есть не что иное, как выковывывание новых цепей для нации рабов»; «Мир... реформа» — демонические слова, воплощающие настоящее евангелие Синагоги Сатаны... это орудие Дьявола, собирающегося украсть меч у святого Георгия». В этом тексте («Зов Меча») заявлялось, что «мир» как «выгода» является доктриной мамоны, а не Христа... Меч отделит вселенскую правду от вселенской неправды», — настаивал Дж. Кларк, автор памфлета, опубликованного

в 1917 г. в издательстве «London Financial News». Кларк утверждал, что «Пруссию и Германию населяют не христианские, но иудейские нации... Шейлок — их священнослужитель». В его представлении евреи и немцы были тождественны. Как показал Панаи («Враг среди нас»), уже в июле 1918 г. в Британии разразилась паника, связанная с присутствием немецко-еврейской тайной руки. «Евреи, нанятые Германией, подрывают мощь Британии при помощи проституции и венерических заболеваний». «Германия всегда стремилась заразить чистые нации со свойственной гуннам кронономанией», — писала газета «The Vigilante», предвосхищая тем самым навязчивые представления Гитлера и Юлиуса Штрайхера о евреях. В Британии времен Первой мировой войны враждебное отношение к евреям сочеталось с таким же отношением к немцам, а представление о зловещей тайной руке прежде связывали не с евреями, а с немцами... Считалось, что именно немецкие агенты контролируют партию либералов и партию юнионистов, что это они стоят за суфражистками и пацифистами, их же обвиняли в организации забастовок. Об этом заявлял, например, автор «Невидимой руки» Киртон Варлей. Еще в 1917 г. он внес предложение, согласно которому королю, военно-морским силам и армии следовало собрать «верных представителей нации» и наделить их «полномочиями править... Новым Государством» — после «отказа от следования любым партийным интересам» [48] — Варлей говорил об этом еще за пять лет до прихода Муссолини к власти и формирования замысла «Mein Kampf».

Д. С. Льюис в своей книге об Освальде Мосли и фашизме в британском обществе (1987) подтверждал, что «фашизм был не чужд Британии... Он не был привезен из-за границы. Фашизм развился на британской почве в соответствии с британскими требованиями». Выступая за сильную империю, английский фашизм придерживался «патриотической программы». «Высказывать предпо-

ложения, будто британскому обществу были свойственны какие-то особые уникальные качества, предохранявшие его от фашизма... значит проявлять излишнюю самонадеянность... Лучше обойтись... без популярного мифа, согласно которому фашизм был искоренен такими чертами британского характера, как умеренность и терпимость». «Возможно, мы уделяли слишком мало внимания британской “традиции” фашизма и тому, что сформировало ее», — заметил Ричард Терлоу [49].

В действительности влиятельная — если не решающая — часть консерваторов была предрасположена «в целом рассматривать фашистов как защитников установленного порядка во всех частях света, где существовала угроза социализма», — писала Маргарет Джордж. Росс Маккиббин утверждал, что именно «всеобщий страх перед социализмом» объединил в 1930-х гг. британский средний класс [50], чье отношение к самому принципу демократического правления было амбивалентным.

(«В Англии насчитывалась не одна тысяча правых, ждавших своего часа... они были очарованы Гитлером и его Новым порядком» и были готовы поддержать его не только перед войной. Ядро правых, входившее в состав британского истеблишмента и «имевшее, несмотря на свой экстремизм, значительное влияние, с одобрением относилось ко многим начинаниям Гитлера. Страшно даже подумать, что они могли бы предпринять, если бы Гитлер обрел контроль над Британскими островами... у них было очень много общего с врагом», — писал Н. Бетелл в «Войне, которую Гитлер выиграл. Сентябрь 1939 г.».)

Ситуация, сложившаяся в Британии того времени, станет еще более понятной, если вспомнить, что именно в этот промежуток — перед 1914 г. и вплоть до 1920-х гг. — «Англию обычно не называли демократической страной: она была “свободной” или же “конституционной”, но не, или пока еще не, “демократической”». Преподобный Кристофер Уайвилл (1792) был далеко не последним ан-

гличанином, обеспокоенным тем, что расширение избирательных прав сделает «частную собственность и общественные свободы» доступными для «неуправляемого и дикого сброда», а народные выборы приведут к чудовищному хаосу. Стэнли Болдуин, трижды становившийся премьер-министром от консерваторов, заявлял (вплоть до 1937 г.): «Мы должны ограничить избирательные права» [вновь]. Даже Уинстон Черчилль отмечал, что «выборы — и в странах с самой развитой демократией — считаются несчастьем, препятствующим социальному, нравственному и экономическому развитию» (и это несмотря на то что две трети всех членов британского парламента, избранных между 1660 и 1945 гг. происходили всего лишь из 368 семей) [51]. Последнего британского посла в гитлеровской Германии, сэра Невилла Гендерсона называли «представителем “упадочного правящего класса”, неспособного смириться с преобразованиями в обществе». В межвоенный период британская «политическая экономика была целиком подчинена... интересам... среднего класса», предвидевшего, что подобные преобразования могли пойти гораздо дальше в случае, если Британия окажет вооруженный отпор экспансии Третьего рейха. Ведь невозможно было провести перевооружение, избежав при этом «чрезвычайного увеличения роли организованного рабочего класса в обществе. Ни в коем случае нельзя забывать об этом, говоря о “политике умиротворения” [Гитлера]. В результате “странная” война [продолжавшаяся до тех пор, пока Черчилль не принял на себя руководство страной в 1940 г. и не спас демократию] явилась попыткой и после объявления войны сохранить порядок, существовавший в довоенные годы» [52]. Порядок, при котором (по словам Невилла Чемберлена, обращенным к королю Георгу VI) «Германия и Англия играют роль двух столпов, на которых держится мир в Европе, и являются оплотом против коммунизма». Не только Бетелл отмечал, что Чемберлен, этот

«борец за мир в наши дни», «стремился дать Германии возможность начать экспансию на Восток».

(Несмотря на привычные заявления, особенно популярные в годы «холодной войны», сегодня уже нельзя отрицать, что Советский Союз предлагал значительную военную помощь своим чешским союзникам. Именно Россия «предлагала предоставить чешскому правительству семьсот истребителей... Румыния согласилась... пропустить сто тысяч советских солдат до Чехословакии...»)

Фюрер, в свою очередь, нашел понимающего собеседника в лице Невилла Чемберлена, когда пожаловался ему на то, что «он не почувствует себя в безопасности до тех пор, пока не будет аннулирован договор [о взаимопомощи] между Россией и Чехословакией». «Предположим, что... Чехословакия не будет более связана обязательствами помогать России в случае нападения на нее... решит ли такое положение дел ваши затруднения?» — отвечал ему Чемберлен (о чем он сделал запись в дневнике) [53]. Таким образом, Гитлер мог расценивать давление Чемберлена на Чехословакию (и ее союзницу Францию) как подтверждение тому, что Британия не станет препятствовать нападению Германии на Россию, а, возможно, даже активно поддержит такую политику рейха. При этом англичане не могли ожидать нападения немцев на Россию от какого-либо не нацистского правительства.

В результате становится понятным, почему в годы проведения «политики умиротворения» Англия решительно отвергала «все предложения со стороны сильной и влиятельной оппозиции внутри Германии». А британское министерство иностранных дел даже в августе 1945 г. сочло «крайне опасными» послевоенные показания гитлеровского генерала Франца Гальдера о «военной слабости Германии» на момент передачи Невиллом Чемберленом чехословацких укреплений Гитлеру. Действительно, эти секретные показания подрывали доверие к британской

«политике умиротворения», ведь Гальдер утверждал, что 21 дивизии Гитлера противостояли 35 хорошо вооруженных чешских дивизий, что на Западном валу стояло лишь 5 дивизий рейха. Таким образом свидетельство генерала Гальдера подтверждало, что «Мюнхен... стал чудовищным и незаслуженным триумфом гитлеровских методов запугивания. Он [Гальдер] даже рассказал о заговоре [против Гитлера], провалившемся благодаря неожиданному приезде Чемберлена в Германию». Правоту показаний Гальдера подтверждал, например, офицер Берлинского Штаба британского Главнокомандующего Стил. Более всего министерство иностранных дел Британии было обеспокоено возможностью «утечки этой информации... в особенности угрозой ее попадания в американскую прессу и тем, что разглашение этих вредных сведений повлечет за собой... демонстрации, направленные против военных преступлений». Однако, к счастью для Британии и ее престижа, «немецкое общество не стало критиковать англичан за то, что они не поддерживали заговоры против Гитлера», — отметил в 1951 г. начальник политического отдела Главного управления британской оккупационной зоны в Германии [54].

И действительно, немецкие средства массовой информации не только почти не уделяли внимания критике подобного рода — более того, когда британская пресса сравнила «левого» министра финансов Оскара Лафонтена с гитлеровским гауляйтером (1998), немецкий деятель не стал в ответ напоминать о тайном стоворе Гитлера и Чемберлена. Когда английская «Daily Mail» (та самая газета, которая в свое время более чем все другие иностранные издания превозносила Адольфа Гитлера) развернула массовую кампанию против немецкого министра культуры, социал-демократа Михаэля Нойманна, называя его «пре-емником Геббельса» [55], он тем не менее не стал в ответ прибегать ни к одному из фактов, описанных в данной книге. Так как уже начиная с 1871 г. английские модели

стали служить образцами для немецких политиков [56], а общественное мнение Германии при всех четырех последовательно сменявших друг друга режимах — монархическом, республиканском, нацистском и натовском — относилось к английскому государству как к «высшей политической школе», то напоминания о бесчисленных отсылках Гитлера к британским примерам до сих пор считаются в Германии «оправданием нацизма» и «правым экстремизмом» — какими бы антифашистскими они ни были по своей сути.

Одна из причин такого «забвения» кроется в представлении о «коллективной вине» всех немцев, признание которой стало чем-то вроде пропуска в «свободный мир» НАТО и предпосылкой для «экономического чуда» при Аденауэре. Поскольку в 1944–1945 гг. немецкий народ не восстал против тех, кто привел его к войне и чудовищному поражению (как это отчасти было в 1918 г.), то многие бывшие нацисты смогли войти практически во все институты власти послевоенной Федеративной Республики Германии. Их организаторский талант и умение приспособиваться оказались незаменимы для восстановления послевоенной Германии и «экономического чуда». Одним из следствий принятия бывших нацистов в немецкое общество стало провозглашение «коллективной вины» всего народа: ведь если виновны все, то невозможно уже обвинять отдельных лиц. А поскольку абсолютно все не могут быть виновны, то делался вывод, что не виновен никто. Следование такой логике (которую трудно назвать аристотелевской), довольно часто приводило к различным абсурдным заявлениям. Так, в кругах содружества студентов юридического факультета утверждалось (такие высказывания делались якобы для защиты немецкого народа от обвинений в коллективной ответственности), что коменданту Освенцима Рудольфу Хёссу «был вынесен несправедливый приговор» [57]. В результате нацистский геноцид очень часто стали рас-

смагивать сквозь призму других несправедливых поступков, совершенных противоположной стороной (или вменяемых ей в вину).

После падения Третьего рейха именно англоязычные победители предложили Западной Германии свои демократические образцы правления. Германия добровольно продолжала зависеть от англосаксонских моделей, игнорируя свои прежние демократические стремления: крестьянскую войну 1524—1525 гг., революции 1848—1849 гг. и Ноябрьскую революцию 1918 г., которая привела к становлению первой современной демократии на немецкой почве. Результатом такого длительного «перевоспитания» стала безоговорочная вера в то, что немецкая история не смогла сама породить демократическое государство, что она была лишь сплошным отклонением от правильного пути и что нацистский фашизм следует считать исключительно немецким феноменом.

Все это, в свою очередь, способствовало закреплению соглашения, согласно которому понятие о «коллективной вине» применялось только по отношению к немецкому народу, — по крайней мере, среди западных союзников. И, естественно, ни одной публикации в Германии не позволялось напоминать наставникам немцев о том, откуда к ним пришли расизм и даже геноцид. В то время как упоминание о любых русских (не говоря уж о «сербских» или «иракских») образцах для Адольфа Гитлера не вызывает никакого негодования, любая отсылка к британским образцам, которым подражал фюрер, подпадает под жестко регламентированное табу — несмотря на подробные описания подобных «образцов» в английской историографии и на многочисленные заявления самого Гитлера о том, что же послужило для него моделью.

В результате английский перевод следующего текста из книги Ханны Арендт «Элементы и происхождение тоталитарного господства» [58]: «английское общественное мнение... создало самую плодородную почву для... воз-

никновения биологических представлений о мире, целиком ориентированных на расовые доктрины» — зазвучал таким образом: «английское общественное мнение... стало плодородной почвой для различных натуралистических доктрин, возникших в то время». Комментарии излишни. А «перевод» текста, касавшегося «непреодолимой дистанции [от туземцев], на которой держались английские колониальные чиновники и которая послужила причиной для ненависти к ним...» превратился в следующий эвфемизм: «отчужденность была свойственна всем британским чиновникам». Такой «перевод» отражал скорее представления послевоенной Западной Германии, чем Британии. Надо сказать, что и мой собственный текст был «покалечен» подобным же образом. Некий мистер Питер П. Борнхаузен, «тщательно редактировавший» мою лекцию «Представление о Третьем Риме и Третьем рейхе» для публикации, вычеркнул следующие давно известные цитаты из сэра Чарлза Дилка и Герберта Джорджа Уэллса: «голые варвары... спаслись от истребления, потому что европейцы не могли постоянно жить в их климате [в Индии]»; «единственным разумным и логичным решением в отношении низшей расы является ее уничтожение». (Не кто иной, как Тойнби, напоминал об этом англичанам еще в 1934 г.) [59]

Аналогичным образом подробнейшая история немецкого антиинтеллектуализма, написанная Дитцем Берингом [60], откровенно опускает фёлькише (прото-нацистское) заявление Фридриха Ланге (1899) о том, что следование британским образцам, усвоение «духа джентльменов... приведет к тому... что с течением времени образованных людей [среди немцев] будет все меньше... Напротив, мы пройдем через все стадии... воспитания, чтобы научиться владеть миром, и станем на равных с нашими заморскими двоюродными братьями, уже владеющими миром... [это произойдет] тогда, когда мы станем похожи на них» [61]

Поклонник Англии Эрнст Хэкель (1834–1919) утверждал, что «немцы достигли бы гораздо больших успехов в управлении колониями, если бы перестали руководствоваться идеалистическими представлениями». Сам он был очень привязан к Англии и часто посещал эту страну. Эрнст Хэкель в значительной степени способствовал распространению социал-дарвинизма в Германии. Он занимался популяризацией идеи об «аристократических принципах устройства природы», ставшей впоследствии частью доктрины Гитлера, и являлся членом протонацистского «Общества Туле». Хэкель называл англичан и немцев двумя тевтонскими народами и мечтал об их союзе — точно так же, как Хьюстон Стюарт Чемберлен, главная работа которого предвосхитила основные установки Хэкеля. Однако немец Хэкель «так никогда и не смог подняться на одну ступень с [англичанином] Хьюстоном Чемберленом (1855–1927) в анналах нацистской истории» [62]. Влияние Чемберлена на Гитлера не в последнюю очередь объяснялось псевдовагнерианским освящением понятия «фюрер», придуманным этим онемеченным британцем — духовным лидером наследников Рихарда Вагнера. Именно Чемберлен посвятил Гитлера в «Спасители германской расы», именно он назвал его посланником богов [63]. В то же время, преследуя чисто практические цели, Гитлер видел за расовыми доктринами Чемберлена пример, который давало ему мировое господство имперской расы, мировая гегемония Британской империи.

Тем не менее роли Чемберлена как вдохновителя Адольфа Гитлера не уделялось должного внимания — по крайней мере в той степени, в которой оно действительно было оказано. Так, Чемберлена как теоретика нацистского расизма ставили в один ряд с графом Жозефом Артуром де Гобино [64]. Возможно, такое сопоставление и является вполне адекватным, когда дело касается хронологии становления общеевропейских идей о «превосходстве арийской расы»; однако такое

сравнение представляется совершенно необоснованным в контексте расизма Гитлера. Ведь не графа Гобино, а именно Хьюстона Чемберлена назвал «отцом нашего духа», «пионером» нацизма и «первопроходцем» Йозеф Геббельс [65]. Более того, в 1925 г. газета «*Völkischer Beobachter*», являвшаяся официальным органом нацистской партии, прославила труд Чемберлена «Основы девятнадцатого века» как «Библию Движения» [66]. Гобино же читали в Германии гораздо меньше. Таким образом, хотя именно Гобино первым сформулировал теорию расизма во Франции, реализация этой теории на практике не началась там. Напротив. Многие отмечали, а среди них и Арнольд Тойнби, что «ярые англосаксонские расисты... считали, будто “романцы” отлично ладят с “ниггерами”», поскольку «“романцы” — весьма сомнительная категория белых людей» [67]. Немецкие расисты вообще относились к французской колониальной империи как к негативному прецеденту, как к примеру «расовой дегенерации», явившейся следствием смешанных браков и потому служившей предостережением. Британская же империя и населявшая ее имперская раса с неизменным постоянством называлась образцом для подражания (который был впоследствии превзойден), она была моделью, которую Гитлер использовал в качестве оправдания.

Исходя из этих соображений, я не стал рассматривать в данной книге влияние, которое французский расизм (Gobineau. «*Essai sur l'inegalite des races humaines*». 4 Vol. Paris, 1853–1855 (немецкое издание вышло в 1898–1900 гг.); Vacher de Lapouge. «*L'aryen. Son role social*». Paris, 1899 (немецкий перевод появился в 1939 г.) оказал на становление нацистской идеологии. В этой книге не затрагивается и (пассивная) роль Франции в поощрении нацистской экспансии — так называемая «политика умиротворения», — поскольку в данном вопросе Франция почти полностью зависела от позиции Британии.

В настоящем издании я стремился сделать факты истории дипломатических отношений того времени, например, факты, приведенные в книге Лейбовитца и Финкеля «Тайный сговор Чемберлена и Гитлера», более понятными, напомнив о некоторых (отнюдь не безызвестных) элементах английской политической культуры. Эта книга не делает никаких открытий, касающихся политической культуры Викторианской эпохи и эпохи правления короля Эдуарда VII в Англии. Она лишь указывает на те аспекты британской культуры, которыми восхищался Гитлер и которым он стремился подражать. В этой книге не рассматриваются и те аспекты идеологии Гитлера и нацизма в целом, которые возникли и сформировались вне влияния реальных или воображаемых британских моделей. Было бы излишним говорить о бесконечном количестве «чисто» немецких предшественников гитлеризма: их и так повсюду цитировали в многочисленных изданиях, посвященных Третьему рейху. Но вот настолько же очевидные примеры влияния идей британского империализма на формирование представлений о себе гитлеровской Германии и ее устремлений почти не анализировались — по крайней мере в той степени, в какой они того заслуживают. Однако необходимо уточнить, что Гитлер радикально «тотализировал» вовсе не тоталитарные британские модели. Таким образом, тематика данной книги практически не затрагивает ту обширную литературу, которая написана о гитлеровском тоталитаризме. Эта книга целиком посвящена влиянию английских образцов на нацистскую идеологию. Ибо, если собрать воедино все немецкие материалы, отражающие только одну эту проблему, получилась бы не такая уж маленькая библиотека.

Я хотел бы поблагодарить библиотекарей Гейдельбергского университета г-жу Филипп и г-на Дитера Кляйна за предоставление дополнительных материалов, д-ра Фрэнка Паза (Нью-Йорк) за возможность работать с некоторыми

материалами из США, профессора С. Митра из Университета Ноттингема за советы, касающиеся важных источников, о заявлениях Дж. Неру о связи фашизма с империализмом и д-ра Д. Балза из Гейдельберга, обратившего мое внимание на отрывок о Гитлере и немецкой англо-филии в книге Н. Зомбарта «Rendevous mit dem Weltgeist: Heidelberg 1945–1951». А также г-жу Бланку Луз Пулидо за ее неоценимый труд в доведении до ума этой сложной и довольно замысловатой рукописи.

Само собой разумеется, что только я несу ответственность за содержание этой книги, задуманной мной еще в 1948 г.

*Мануэль Саркисянц Мерида,
Мексика, июль 2002*

Глава 1

Если вы не станете такими, как англичане, не будет вам дано царство

Происходящее в Британской империи всегда интересует нас в первую очередь: ведь там... наши наставники.

Карл Петерс [68]

Я ощущаю, что в английской империи добился положения избранника основательный, медлительный человек с Севера, одной крови со мной.

Ханс Гримм [69]

... Для этого у нации должна быть счастливая история нации господ, длиной лет в триста-четырееста — как у англичан.

Генрих Гиммлер

Сам Гитлер утверждал, что его политика строилась на основе английских моделей. В 1935 г. он заявил: «Только у меня, подобно англичанам, хватит жестокости, чтобы добиться цели». Адольф Гитлер уверял, что образцом для его владычества на восточных пространствах (имелась в виду Россия) служило правление Англии в ее индийских колониях.

За несколько месяцев до того, как Адольф Гитлер начал немецким мечом обеспечивать для немецкого плуга пространство на Востоке [70], он напомнил своим «соотечественникам, товарищам по партии и национал-социалистам»: «Я восхищаюсь английским народом. В деле колонизации он совершил неслыханное» [71]. Восхище-

ние Гитлера Англией являлось скорее призывом учиться у Великобритании «непоколебимому стремлению к власти», чем завистью. Пример Британии был для Германии настолько авторитетным, что одно только его упоминание способно было изменить общественное мнение.

Только после того, как Британия объявила войну Германии, Гитлер под аплодисменты слушателей отметил: «Господь Бог создал мир не для одних англичан». Гитлер требовал, чтобы Германия заняла в мире такое же положение, как Англия. Его восхищение этой страной означало скорее не зависть, а призыв к своим сторонникам учиться у Англии ее «всепоглощающему стремлению к власти». Представление об Англии как об образцовой стране настолько утвердилось в Германии, что одной только ссылки на пример Англии было достаточно, чтобы повлиять на общественное мнение.

Еще в 1928 г. он причислял к «народным ценностям англосаксов» именно «устремленность в пространство». Гитлер хвалился: «С 1920 года я со всем упорством... пытался вызвать национальное движение в пользу... союза между Германией и Англией» [72].

Возможно, это было не слишком трудно. В кругах, к которым принадлежал Гитлер, полагали — в контексте «превосходства белой расы», — что «судьба народа объясняется его расовыми качествами... Эти качества наилучшим образом позволяют британцу властвовать над цветными...», ведь «главное — что он умеет “держать себя”» [73]. Задача, как известно, состояла в том, чтобы (и) немцы научились держать себя. Эсэсовцы являлись элитой «новых немцев». Один из фюреров этой организации заявил: «Все то, что мы хотим претворить в жизнь в отношении расы, классов и образа жизни, уже давно существует в Англии» [74]. Многие немцы придерживались об Англии такого же мнения, что и Адольф Гитлер и его предшественники, которым «еще в XIX веке была свойственна основанная на восхищении любовь-нена-

висть к Англии» [75]. (Гитлер якобы в 1913 г. лично побывал в Англии, по крайней мере его невестка утверждала, что Гитлер посещал ее супруга Алоиса — единокровного брата будущего фюрера — в Ливерпуле.) О том, что Гитлер относился к Британии как «отвергнутый поклонник», сообщал и аккредитованный в Берлине посол Англии. Ведь в 1934 г. Гитлер воззвал: «Двум германским нациям следовало бы стать друзьями уже под воздействием одного только природного инстинкта». Во всяком случае, отмечено, что «Гитлер до самой смерти сохранил расположенность к англичанам — за их силу и находчивость» (в оригинале — «resourcefulness») [76]. Даже втянув Германский рейх в войну на два фронта, он оставался «уверенным, что конец войны станет началом длительной дружбы с Англией...» По мнению Гитлера, чувство собственного превосходства у англичанина было развито сильнее, чем у немца. А чувство собственного превосходства «присуще лишь тому, кто имеет возможность повелевать» [77]. Хотя Англия в ответ на соглашение Гитлера со Сталиным объявила войну, это не изменило убеждения Адольфа Гитлера, что «ни один народ... по своим государственно-политическим качествам... не пригоден в большей мере к тому, чтобы владеть империей» [78].

Правда, в наше время Эрнст Нольте показал, что, несмотря на все свое восхищение Англией, Гитлер не разобрался в «специфически английской ситуации» [79] — что, видимо, мог бы сделать, если бы «руководствовался настоящим английским мышлением». Возможно, Гитлер и не понял ситуации, но похоже, что тем лучше создатель Третьего рейха понял суть определенной британской модели — прежде чем в самоубийственной «спешке», становящейся все более иррациональной и даже апокалиптической, довел эту модель до абсурда.

В Германии аксиома о превосходстве англичан, безусловно, является ровесницей Второй империи. Аргумент, что между авторитетом англоязычного мира и авто-

ритетом немцев существует антагонизм, был выдвинут еще Генрихом Трейчке. Он утверждал, что «для немецкой нации жизненно важно продемонстрировать колониальный импульс» [80]: только «тогда мы станем... благородным народом господ, принадлежностью к которому будет гордиться каждый немец». Зачинатель немецких колониальных аннексий, Карл Петерс, предрекал это Второй, а после и Третьей империи: ведь до сих пор «немец... путешествующий по чужим краям... [был] вынужден повиноваться; англичанин [же] повелевает». Ведь «по естественным причинам англичане развили в себе качества нации господ, и поэтому английское владычество над нашей планетой неудержимо расширяется...» [81] Высказывалось мнение, что английский народ «сплошь и рядом выступает в окружающем мире как народ господ. И английский народ причиной тому, что не романец или монгол задают тон на земле, а именно германцы — германцы, какими мы и сами себя ощущаем». Ханс Гримм, лавочник из Южной Африки и пророк империализма немцев — «народа, лишённого пространства», — объясняет действия англичан (и их немецких подражателей) самыми что ни на есть мешанскими побуждениями:

«Они отправились за море не затем, чтобы спасти свои души, обдумывать великие проблемы и вершить дела для общей пользы, но изо дня в день они стремились получить какую-то скорейшую прибыль — хороший пример... без особой работы и руководствуясь лишь настоящим английским мышлением» [82].

Следующее высказывание — «В том, что касается стиля жизни, Англия... ведет за собой и благородное общество Германии» [83] — явно было сделано еще в разгар Первой мировой войны, после того как с 1871 г. восхищение политической мощью Англии вытеснило восторг перед культурой Франции. В самой Франции Гюстав Лебон мог даже не доказывать, что англичане превосходят французов: он сразу приводил объяснения, на чем основано это

«превосходство» [84]. Как известно, Вильгельм II, движимый в том числе и любовью-ненавистью, пытался подражать Англии (см., в частности, слова кайзера: «Будущее Германии — на воде»). Один немецко-кайзеровский морской офицер у Густава Френсена [85] в 1904 г. восхищается: «Вон там, за высокими меловыми скалами, живет первый народ земли — благородный, бесконечно умный, храбрый, единый и богатый. А мы? Мы издревле обладаем единственным из их качеств — храбростью. Понемногу мы приобретаем другое — богатство. Усвоим ли мы когда-нибудь остальные — это для нас вопрос жизни» [86]. И в том же духе написана книга под названием «Англия как воспитатель», которая увещевает немецкий народ стать тем, чем он (еще) не является: «Ни один народ столь непрерывно не преуспевал, как английский. Нам бы поучиться у него» [87].

Потеря статуса и стремление стать «расой господ» благодаря крови и расе

Мне надоело числиться среди парий: я хотел бы принадлежать к народу господ.

Карл Петерс

... Учись у англичанина... как прирожденному властителю претворять волю к власти в жизнь.

Эрнст фон Вольцоген

В конечном счете и Гитлер, и Альфред Розенберг, и Рудольф Гесс были убеждены, что народу Англии (неприятие так называемого «западного духа» к нему не относили) суждено принадлежать к расе господ; в свою очередь, в британской Палате лордов в то время сверх меры были распространены прогитлеровские настроения [88]. Ни Альфред Розенберг [89], ни Дарре [90], гитлеровский

«идеолог» крови и почвы, не желали видеть в Англии торгашеское начало [91] (в противоположность «героическому») [92]. Ведь именно английский пример делал идею «расы господ» особенно привлекательной для «вождей по природе», ощущавших потерю власти в результате Германской революции 1918 г.

Буржуа по натуре, утратившие социальный статус после Германской революции 1918 г., — такие, как Ханс Гримм, который сформировался как торгаш в расистской Южной Африке, — стремились компенсировать свою утрату за счет превращения в расу господ по образцу представителей британского расового империализма. Гримм, немецкий эпигон британских имперских визионеров, полностью признанный только в Третьем рейхе, где его идеи чуть было не воплотили в жизнь, изрекал: «Люди не равны между собой. И души перед Богом также не равны». И не случайно в связи с этим он ссылался именно на британцев: «... Когда изначальные силы вновь возьмут верх, мы снова сможем мыслить по-английски, и немцы снова будут мыслить по-немецки». Этот южноафриканский торговец требовал, чтобы был найден некий «путь к новому времени... пока массовое безумие не задушило последнего благородного человека — благородного духом и сердцем». Ведь «Германия должна стать страной господ, где живут подлинные господа... по расе», «миром, где по-настоящему ценят истинных господ» [93]. Благодаря англичанам, провозглашавшим тосты за такой мир, «происходит подъем “расовой” [volkische] Германии» [94]. «... Не идти на Англию... а произвести окуривание и уборку в нашем собственном доме». Добровольческим корпусам (которые, как известно, в 1920 г. в Берлине пытались — в тот раз тщетно — уничтожить немецкую демократию), бригаде Эрхардта [95] следовало не направляться на борьбу с Англией, а попробовать, как властителям (по мнению этого торговца), «окурить» Германию. Те же, в кого они стреляли, то есть защитники

демократии в Германии, для цитируемого нами торговца-владельца были «моабитским отребьем». Для гриммовской расы господ Англия тоже являлась крестной матерью: «Как вы пытаетесь вырастить из клетки нового англичанина в надежде, что он наведет в Англии чистоту и английский порядок, так мы добиваемся, чтобы немец вновь получил шанс» [96] — для осуществления идеи расы господ на буржуазный манер. Один британский офицер-победитель произнес тост за «две белые нации, два белых народа». В его немецком пленнике (консуле Васмуссе) его не устраивало лишь одно: что тот не англичанин! [97]

Высказанная британским офицером мысль отнюдь не является уникальной: сам Адольф Гитлер не раз сожалел, что его немцы во многих отношениях не похожи на англичан... [98] «Единственная ошибка Гитлера состоит в том, что он не был рожден англичанином», — заявил один из британских эсэсовцев [99]. Эрнст фон Вольцоген, веривший в звезду немцев, в заключение своих мемуаров 1922 г. привел следующий завет, обращенный «к немцу»: «Как политик учись... у англичанина... как прирожденному властителю претворять волю к власти в жизнь» [100]. Даже во времена Лиги Наций англичане открыто говорили о том, что мотивом принятия ими мандата на управление территориями в Африке стал «инстинкт их расы» [101].

И в апогее британского империализма, когда над империей (еще) не заходило солнце, в основе мировоззрения этой расы господ лежала именно расовая гордость. Один из ностальгических панегириков бисмарковскому рейху (содержащий также клевету на республиканскую Германию) так и называется — «Англия как воспитатель». Ведь его автор, М.В.Л. Фосс [102], «учился завидовать им [англичанам] в их расовой гордости» [103]. Правда, он «смог осознать, что при определенных условиях можно воспитать властителя и из немца... То, что верно для

Англии, верно и для Германии» [104]. Это означало, что немцам следовало прививать свойственный англичанам расовый инстинкт — «естественное» для англичан чувство своего расового превосходства, сознание расовой чистоты благодаря тому, что от «цветных» их отделяет расовая дистанция (по-английски «colour bar» [105]. Уже в одной из своих ранних речей (1920) Гитлер приписывал успех, которого Англия добилась в управлении колониями, не только осознанию собственного расового превосходства перед туземцами, но и дистанции, на которой англичане удерживали местных жителей: по отношению к туземцам они вели себя как господа, а не как братья. Всему этому национал-социалисты стремились научить немцев. Гитлеру была свойственна «агрессивная... реакция на чувство неполноценности». Ведь он исходил из нехватки расовой гордости у немцев: «Гордости, основанной на расовой принадлежности, немцы по сути не знали» [106].

**От расы господ, повелевающей туземцами,
до «окуривания» Германии ради расовой очистки**

Германия должна стать страной господ,
где живут подлинные господа... по расе.

Ханс Гримм

Несомненно, что уже в основу колониальной расовой политики кайзеровской Германии было заложено подражание британским колониальным образцам: Карл Петерс, один из первых немецких захватчиков Африки, «впитал кое-какие из самых радикальных постулатов британской колониальной идеологии», находясь в Англии [107] — во время «полезного обучения... когда в нем и созрело решение... основать где-нибудь немецкую колонию». «Настала пора как можно скорей усвоить английский принцип:

...его нужно рассматривать как безусловно умный и практичный, и было бы близорукостью не учиться у них этому», — призывал Карл Петерс. Система воззрений, которая сформировалась у него во время долгого пребывания в Англии, помогла ему стать видным политиком и теоретиком колониализма. В результате была основана Германская Восточная Африка [108]: «Мост... соединивший лондонские устремления с немецкой колониальной политикой, в конечном счете и привел к созданию Германской Восточной Африки».

«Я всегда ссылался на британскую колониальную политику как на важнейший фактор» [109]. «Каждый день пребывания» в лондонском Сити — центре тогдашнего финансового мира — «давал мне новый конкретный урок колониальной политики». Так например, Карл Петерс, который стремился перейти из парий во властители, с восторгом принял положение о том, что «многие сотни тысяч людей в Англии могут наслаждаться досугом, потому что на них работают многие миллионы представителей чужих рас» [110]. А «происходящее в Британской империи всегда интересует нас в первую очередь: ведь там... наши наставники...»

Таким образом, Пангермания, бросившая вызов «более великой» всемирной Британии, вряд ли могла выбрать более впечатляющую модель, чем британская. Бисмарк утверждал, что период германского «колониального брака с Англией» существовал (в 1889 и 1890 гг.) [111]. Но таких людей, как Карл Петерс, хоть он и был пионером немецкой колониальной политики, намного выше оценили англичане, чем его соотечественники: английские «строители империи» получали от своей нации свободу действий, а Карл Петерс — нет. Ведь в 1897 г. он стал жертвой «травли в Германии» [112]: за злоупотребления властью, выразившиеся в жестоким отношении к туземцам, Карла Петерса уволили со службы кайзера Германской империи.

«Англичане, имеющие опыт Южной Африки», не отрицают того, что «учитывая характер... туземцев, необходимо применять самые жесткие средства их подавления для поддержания дисциплины и порядка» — такой довод еще в 1919 г. выдвинуло имперское колониальное ведомство Германии в ответ на версальский диктат [113]. И именно в лондонском министерстве колоний (Colonial Office) начал изучение английской практики колониального управления заведующий отделом колоний в министерстве иностранных дел Германии Бернхард Дёрнбург [114].

Тем не менее известно, что еще в 1911 г. от судебных чиновников в Германской Юго-Западной Африке требовали «больше проявлять расовое сознание» [115]. Там до 1905 г. не запрещались браки между немцами и неграми [116].

Один колониальный журнал в позднее кайзеровское время негодовал по поводу «отсутствия расового инстинкта» у немецкой публики: немецкие женщины якобы «увивались» вокруг африканских музыкантов из колоний, гастролировавших по Германии, настолько активно, что колониально-политические поборники расового инстинкта указали немцам на англосаксонский образец. Прозвучали упреки такого характера: немецкие женщины способны считать иностранца — «даже какого-нибудь бразильца» — интереснее земляка, а вот «англичанки, особенно из мещан», считают позором, если их увидят с иностранцем [117]. Так, в 1899 г. британская общественность была возмущена тем, что англичанка Китти Джюэл пожелала выйти замуж за южноафриканского «принца» Лобенгула. «Англосаксонские расы уже давно считают смешение рас бичом цивилизации», — заявила газета «The Spectator». А «Daily Mail» поздравила священников, отказавшихся венчать эту пару, с тем, что они отказались быть «сообщниками... телесной безнравственности». По-видимому, после этого скандала Китти покончила жизнь само-

убийством, а Лобенгула был вынужден зарабатывать себе кусок хлеба трудом на шахте [118].

Именно подобные случаи имел в виду Ханс Гримм («немецкий Киплинг») [119], требовавший захвата колониальных пространств для лишенных пространства немцев, когда вновь и вновь ссылался на пример Британской империи: там «браков между белыми англичанками и даже очень хорошими мужчинами другого цвета кожи до сих пор никогда не наблюдалось» [120]. «Мы не хотим смешения, и это совпадает... с убеждением... всех британских колониальных политиков, [с] мнением большей части британского народа». Об этом напоминали и национал-социалистские «колониальные пионеры» [121]. Ведь во времена расцвета британского империализма расовая дистанция, которую соблюдали британцы по отношению к своим «цветным» подданным, считалась «источником имперского могущества». Предполагалось, что такая дистанция поможет избежать возникновения «расового смешения», существовавшего в «вечно мятежной Латинской Америке». Поэтому уже в 1869 г. для каждого «англичанина, способствовавшего появлению на свет... смешанной расы» требовали сурового наказания, о чем и сообщалось в «*Anthropological Review*».

Разумеется, в Третьем рейхе — как оплоте господства белой расы — с восторгом встречали успехи британской колониальной политики, изображая их как блистательные примеры для подражания: «В частности, использовались все средства для предотвращения роста смешанного населения...» Когда «англичанин... простой солдат проявляет в этих делах очень большую сдержанность — это для него жертва, которую он сознательно приносит своему положению и расовым инстинктам» [122]. (Лозунг разрыва дружеских связей с «расово чуждыми лицами» как «жертвы во имя расы» использовался и при насаждении анти-семитской доктрины в ранний период Гитлерюгенда.) Таким образом, национал-социалисты оценили, что « [уже]

из английского образа мышления... вытекает понятие “раса”, в то время как мы, немцы, [еще] ... пишем “народ”». В 1909 г. британские учителя истории получили четкую инструкцию обучать воспитанников в соответствии с этосом своей расы. В 1913 г. свойственное англичанам чувство «скажем... легкого отвращения», возникающее при виде кожи другого цвета, посчитали слишком глубоким, чтобы его можно было искоренить. И даже в 1986 г. редактор «Imperialism and Popular Culture» [123] отметил, что «согласно достоверным источникам, население Британии в целом придерживалось и придерживается до сих пор — расистских убеждений» [124]. «В Англии расизм вездесущ». Так гласит набранный крупным шрифтом заголовок в «Stuttgarter Nachrichten» даже в 1994 году [125].

А то, что англичане — «германская нация в чистейшем виде», утверждал еще «расовый» (volkische) пророк немецкой веры [126] Пауль де Лагард [127], живший во времена Вильгельма [128]. Этот «комплимент» не остался без ответа с британской стороны: в 1901 г. некто Н. Ч. Макнамара (в книге «Характер британского народа») охарактеризовал Вильгельма II как «истинного германца [genuine Teuton]» [129]. А самый популярный представитель «расоведения» межвоенного периода, Ханс Ф. К. Гюнтер, в своем «расистском учебнике для высших слоев мещанства» (1927) подсчитал, что доля нордической крови у населения Британских островов выше, чем в самых северных районах Германии. Он превозносил англосаксов как истинно тевтонских завоевателей, которые «благодаря своему похвальному эгоизму» избежали смешения с покоренными народами». Поэтому они и стали властителями мира, — утверждал Гримм [130].

Сам Адольф Гитлер «как германец... предпочитал видеть Индию скорее под английским, чем под чьим-либо другим владычеством». Ведь «lesser breeds» (по сути непере译имое английское понятие, нечто вроде: «низкое [цветное] отродье»), по представлениям Гитлера,

дали расово чистой Британской Северной Америке превосходство над смешанной в расовом отношении Латинской Америкой. («Расово чистый германец американского континента» останется хозяином континента до тех пор, пока не «падет жертвой кровосмешения», — заявлял Гитлер в 1924 г. в «Mein Kampf» [131], по сути давая не более чем собственный вариант английской [132] колониальной максимы [133].)

В британских доминионах, получивших самоуправление, — таких как Австралия или Британская Колумбия (Канада), цветные представители населения были лишены права голоса. Именно в Британской Северной Америке — в Ванкувере, в 1892 г. — впервые отмечено использование расовой ненависти как мотива для разработки законов, оскорбляющих и унижающих «небелых», и более того — можно проследить, как здесь начал зарождаться лексикон расовой ненависти, предвосхитивший словарь антисемитского «Der Sturmer» Юлиуса Штрайхера: «небелый» (понятия «неариец» еще не было) — «оскорбительное ругательство, означающее в лучшем случае “грязный переносчик заразы”» [134]. Сам Гитлер с сожалением отмечал, что образ Шейлока — «безжалостного еврея» — создан англичанином Шекспиром, а из-под пера немца Лессинга вышел совсем иной образ — Натана Мудрого, гуманного и мудрого еврея [135]: английский классик изобразил еврея в антисемитском духе, а немецкий — в противоположном, филосемитском. Юлиус Штрайхер, «специалист» по юдофобии у национал-социалистов, уже в 1931 г. предрекал «тайное соглашение между Гитлером и Великобританией, которое смягчит финансовое бремя Германии... как [только] Гитлер станет канцлером» [136].

Ведь в конечном счете Адольф Гитлер хотел — с британской помощью (или хотя бы при попустительстве Британии) — сделать из «пространства на Востоке» (т.е. из России) то, чем (в его представлении) для Англии была Индия: «Восточные пространства станут для нас тем, чем

была для Англии Индия» [137]. Однако в Индии британский расизм, направленный против небелых, неевропейцев, пошел на спад еще тогда, когда неполноценность последних считалась «(научно) доказанной» [138]. А «недочеловеки» в гитлеровской «немецкой Индии», на «восточных пространствах», были в основном «европейцами», белокожими, и это во времена, когда в международном масштабе расизм больше не считался «научно» оправданным.

Вопрос «смешения рас», который существовал в Третьем рейхе, в период расцвета Британской империи волновал и вице-короля Индии лорда Керзона [139]. Он решал «вопрос», что лучше для империи — сожительство представителей «имперской расы» (the Imperial Race) с туземцами или «смешанные браки»? [140] (Такие браки серьезно порицались колониальным обществом, начиная с середины XIX века [141].) К 1870-м гг. туземные женщины могли являться лишь любовницами или проститутками. Однако «межрасовый конкубинат» продолжал оставаться привычным делом в Британской Малайе [142]. В Британской Бирме и Уганде подобные отношения стали порицаться начиная с 1890-х гг. А после 1909 г. — в противоположность французской колониальной политике — межрасовые сексуальные отношения были запрещены [143] (хотя к колониям в Карибском море, на Сейшельских островах и на острове Маврикий это не относилось: там белые продолжали сожительствовать с черными [144]). За это, правда, не отправляли в концлагерь, а «только» исключали со службы или переводили в другое место. Впрочем, уже этого было достаточно для сохранения сравнительной расовой чистоты — ведь для англичан сохранение расовой дистанции по отношению к «расово неполноценным» цветным было более «естественным», чем для соотечественников Гитлера — по отношению к «остменшен» и «недочеловекам» с белой кожей. (Лидер британских фашистов сэр Освальд Мосли утверждал, что

поскольку англичане обладают врожденным расовым инстинктом, который предотвращает смешение и ухудшение нации, то, следовательно, нет необходимости в специальных расовых законах. «Если же это врожденное расовое сознание когда-нибудь ослабеет, придется вводить такие законы»..) Так, при лорде Керзоне британских буфетчиц из Британской Индии (которым трудно было оставаться недоступными для «туземцев» из высших слоев) отправили на родину — как, впрочем, и машинистов локомотивов из англичан, чтобы никто из «имперской расы», никто из англичан не выполнял работу низкого ранга.

Ведь английские представители белой расы должны были составлять «аристократию» белокожих, как чуть позже — гитлеровские «арийцы» — играть роль расовой элиты, «аристократии крови». В Индии «англичанин обосновывал свое право считаться “аристократом” не религией [как при испанском империализме], не образованием [как при французском империализме], не классом [классовой идеологией, как при советском империализме], но принадлежностью к доминирующей этнической группе» (Хатчинс). Поэтому вполне логично, что тесть сэра Освальда Мосли — лорд Керзон (воплощавший «успехи колонизации», столь восхищавшие Гитлера) выражал притворное удивление, что у англичан из низших слоев (простых солдат) такая светлая кожа... [145] Ведь белая кожа на «восточных пространствах» Англии отличала представителей расы господ, а цветная — низшие слои, «the lesser breeds» («низкое отродье»), расово неполноценных. Потому и д-р Карл Петерс хотел, чтобы к нему относились соответственно: «Мне надоело числиться среди парий [деклассированных элементов, несмотря на докторскую степень]: я хотел бы принадлежать к народу господ» [146].

Но мысль, что «и плебеи нашего племени в среде народов низшей расы станут аристократией», «что наконец заложит основы для возникновения заморской немецкой расы господ» [147], в 1879 г. тоже была уже не новой.

**Мелкобуржуазный «властитель»
как жандарм нации по образцу англичанина —
мирового жандарма**

В консервативной партии Англии (и в аморфных социальных слоях ее населения) были люди, считавшие Германию будущим жандармом Европы.

Ян Колвин

Ответ на вопрос, кто служил образцом для немецких колониальных «властителей», очевиден: это была британская буржуазия (в том числе и мелкая), которая в тропических колониях получила возможность усваивать «аристократические» замашки — причем во времена, когда в самой Великобритании аристократия все больше утрачивала власть. «В Англии государственные служащие считались простыми чиновниками, в Индии же они становились губернаторами колонии». Те, кто в самой Англии порой стояли на иерархической лестнице немногим выше, чем прислуга, в Британской Индии как «белые сахибы» могли неограниченно повелевать цветными слугами. (Британский офицер, оказавшийся в Индии, считался настоящим «сахибом», человеком, принадлежащим к расе господ; ему было позволено все (кроме возвращения домой), любой его поступок оставался безнаказанным. Привычка повелевать туземцами превратила англичан в зверей. Даже тон, который они позволяли себе в отношении местных жителей, больше походил на окрик собаке) [148]. Для колониальных британцев такую ситуацию безусловно можно было назвать значительным «социальным улучшением», хотя они и не обладали тем всемогуществом, какое собиралась присвоить себе элита элит мелкобуржуазного общества «работающих локтями» — гитлеровские СС — для владычества в своей «Индии», на восточных территориях. Сэр Чарлз Дилк, автор «Более Великой Британии»,

так описывал британского новобранца: «пьяный, не пройдет мимо туземца, не ударив его... обращаясь к офицеру, он кричит: “Да, я рядовой... я знаю, но я джентльмен”». «Невозможно описать, насколько грубыми стали эти пьяные солдаты и моряки... когда приобрели столь непривычную для них власть».

Однако в издании «Более Великой Британии» 1894 г. сэр Чарлз Дилк заявлял: «Наши офицеры рассказывают, что любой туземец, говорящий по-английски, — негодяй, лжец и вор, что... недалеко от истины» [149]. И именно «туземцы» с английским образованием больше всех страдали от своего статуса «низкого отродья» (the lesser breed). В Zulu Land (Южная Африка) даже негр с университетским образованием вынужден был путешествовать по железной дороге в вагоне для скота. «Черным не разрешалось ходить по тротуарам», — напоминает Ричард Саймондз, написавший книгу «Оксфорд и империя». О самоубийстве одного из цветных рассказывает, например, президент Бирмы Ба У, который был высокопоставленным судьей в Британской Индии [150]. На одной из железных дорог Южной Англии запрещалось продавать цветным билеты на курорты. «Индийцам и ниггерам» был закрыт доступ на многие пляжи, что восхищало корреспондента нацистской газеты «Völkischer Beobachter»: «В 1935 году и некоторые рестораны завели практику тихо и вежливо предлагать клиентам-евреям покинуть заведение», — сообщил он из Лондона.

Правда, в английском расово-сословном обществе, в тропиках империи, число «небелых», которые решились на самоубийство в результате психических травм, вызванных расизмом, было несравненно меньше, чем число «неарийцев», покончивших с собой уже в 1933–1937 гг. (т.е. еще до расцвета эсэсовского государства Гитлера). В 1937 г. — т.е. до начала гитлеровского геноцида, в частности, до истребления евреев — существование британских колониальных расовых барьеров, которые при царя-

шем повсюду расизме создавали атмосферу невежества и панического страха, было названо «неврозом», «сравнимым только с антисемитским комплексом фашистской Германии» [151].

Во всяком случае, несомненно, что Гитлер, поклонник Англии, обязывал свои войска СС учиться именно у британских «властителей» тому, как должен себя вести представитель расы господ, чтобы ограниченными силами держать в страхе целый континент, — учиться, например, с помощью любимого английского фильма Гитлера «Жизнь бенгальского улана». Просмотр этого фильма был обязательным для всех членов СС. А одна эсэсовская газета отмечала, что фильм «Жизнь бенгальского улана» прославляет англичан как раз за то, за что англичане критикуют сторонников Гитлера. Именно на пример поведения англичан в Британской Индии ссылались нацисты, когда в своей «Индии» (России) они изолировали русских добровольцев немецкой армии от остальных немецких войск — ведь англичане не разрешали совместную транспортировку своих солдат и туземных наемников [152].

По словам Альфреда Розенберга, гитлеровского идеолога завоевания восточных пространств, «миссия Великобритании» заключается в «обеспечении политического господства белой расы на земном шаре», господства нордической Европы, «Запада, за морем... и где [только] это необходимо в интересах нордического человека». (Англия должна «сохранить престиж белой расы... в интересах всех белых народов», — писала газета «Völkischer Beobachter».) «В Суэце [Англия] остается защитником нордической Европы [153] от вторжения сил Передней Азии» [154]. И в розенберговском «Мифе двадцатого века» для автора «не подлежит сомнению то, что Индия нуждается в длани господина над собой» [155].

С другой стороны, то есть с индийской, не кто иной, как Джавахарлал Неру, видел в такой длани европейского господина прототип европейского фашизма. Находясь

в тюрьме, куда его привела борьба за права индусов, Неру заявил, что фашизм и империализм являются кровными братьями, а борьба за свободу в Индии — часть мировой борьбы против фашизма и империализма. Неру предупредил, что расистский фашизм означает применение колониально-империалистических методов и в самой Европе. Это осознавали и британские властители Индии, и власти США. Так, фильмы, допускаясь к показу в Британской Индии, не должны были затрагивать тему фашизма (поскольку это могло напомнить индусам об их колониальном опыте). Несмотря на то что британский историк Маккензи (редактор книги «Империализм и культура масс» («Imperialism and Popular Culture») справедливо отмечает, что было бы ошибочным в чем-либо отождествлять Британскую империю с фашистскими державами, он же напоминает, что и те, и другие безоговорочно верили в иерархию рас, в превосходство одной расы над другой. В свою очередь, после того как США вступили в войну против нацизма, американское ведомство «Office of War Information» забраковало проект компании «Metro Goldwyn Mueg», собиравшейся снять фильм по произведению Киплинга «Ким», прославлявшему британское владычество над Индией [156]. (Интересно, что британский вице-король Уиллингтон в 1931 г. назвал себя «чем-то вроде Муссолини в Индии».) Может, и не преувеличивал Неру, утверждая, что «фашизм... уже давно был знаком Индии под именем империализма» [157]. Возможно, утверждение, что колониальная идеология «сформировала все принципиальные элементы будущих фашистских идеологий», — слишком сильное. Однако очевидно, что связь последних с первой выявляется даже при самом поверхностном рассмотрении [158].

(Убеждения подобной направленности выразились уже в 1906 г. в напечатанном в газете «Deutsch-Sudwestafrikanische Zeitung» письме читателя: «Что мешает нам использовать эти принципы [естественное право

сильного, естественный отбор] не только в колониальной политике, но и во всей политической сфере? Разве расширять территорию за счет слабосильных белых — хуже, чем за счет безоружных черных?..» [159]) Так, в восстании гереро 1904 г. даже начальник германского генерального штаба фон Шлифен [160] увидел «расовую борьбу», «которая может закончиться только уничтожением или порабощением одной из сторон» [161]. «Произошла... обратная проекция колониального государственного терроризма на внутреннюю политику метрополии, а также на завоеванные «восточные пространства»... «Генеральный план Ост», предусматривавший массовое уничтожение тридцати миллионов человек в Восточной Европе, был составлен и рассчитан как концепция колонизации... и апартеида, явственно связанная с колониальной практикой, использовавшейся до 1914 года» [162].

Очевидно, что и милитаристы колониально-империалистического типа приняли деятельное участие в прокладывании пути к Третьему рейху: в их активе — контрреволюционный подрыв демократии. Наглядный пример антидемократизма колониальной военщины — роль генералов Пауля фон Леттов-Форбека [163], защитника «колонизированной» по британским образцам Германской Восточной Африки, и Риттера фон Эппа [164], имевшего опыт подавления восстания туземцев (китайцев), который пригодился ему в разгроме Мюнхенской Советской республики 1919 года.

Первый защищал правомерность войны на уничтожение, которая велась в 1904 г. в Германской Юго-Западной Африке против гереро: он полагал, что восстание такого масштаба сразу же следовало «выжигать всеми средствами» [165]. Еще в 1957 г. Пауль фон Леттов-Форбек хвалился: «Слава богу, я как “африканец” прослыл беспощадным». В 1920 г., после того как немецкий народ сформировал правительство в соответствии с демократической Веймарской конституцией 1919 г., этому герою

Африки стало ясно, «что законного правительства нет». Поэтому Леттов-Форбек в том же году принял участие в антидемократическом капповском путче и всегда гордился этим: «Я отдал строжайшие приказы образовать [такую] государственную власть» [166] и «запер... в казарме мекленбургское [земельное] правительство» (ведь оно считало себя ответственным перед избранным ландтагом, а не перед путчистом — «имперским регентом» Каппом). Леттов-Форбек учредил военные трибуналы и взял на себя ответственность за смерть защитников избранного правительства Германии. «Теперь для Мекленбурга и особенно для столицы этой земли настало время, когда ситуация не слишком отличается от войны в Южной Африке [sic]», — комментировала уже тогда газета «Norddeutsche Zeitung». Демократия на время одержала победу, но земельное правительство (Staatsministerium) Мекленбург-Шверина так и не добилось, чтобы против героя Африки Леттов-Форбека было выдвинуто обвинение в государственной измене [167]: правительство Германии лишь уволило его в отставку из рейхсвера [168]. Натуру вождя, «прирожденного фюрера», Леттов-Форбек видел в собственном сыне... [169]

Имперским наместником «фюрера» в Баварии в 1933 г. стал генерал Риттер Франц фон Эпп — с 1925 г. он был вождем Союза колониальных воинов. Этого вождя колониальных воинов возмущал следующий факт: «Ведь какие колониальные войны вели другие народы, те же англичане, и хоть бы глазом кто моргнул. Почему... немецкий народ должен стесняться?» Участие немцев в китайской кампании 1900 г. (во время «восстания боксеров») он воспринимал следующим образом: нас «послали сюда... чтобы мы сделались господами» над «бесстыжими китайцами». Даже в это время, когда кайзер в подражание гуннам произнес: «Пощады не давать, пленных не брать», Франц фон Эпп сетовал на «слюнявый немецкий гуманизм», «подогреваемый красной демагогией [немецких

социал-демократов]». Когда его, уличенного в разбое, уже собирались отдать под кайзеровский военный трибунал, он заявил: «С этим народом господин должен вести себя беспощадно».

И явно не только с этим народом (цветным). Ведь его добровольческий корпус, призванный нести «возмездие государственным преступникам», пытался применить методы, опробованные на цветных, и к немцам — жителям мюнхенских предместий, таких, как Гизинг. С 1 по 6 мая 1919 г. немецкие сторонники «красных извергов» оборонялись от спасителей отечества под предводительством Риттера фон Эппа (через восемь лет он станет депутатом рейхстага от национал-социалистов). Риттер фон Эпп сетовал: «В некоторых домах Гизинга огонь по наступавшим вели из всех окон». В конечном счете его корпус во время боев в Мюнхене потерял пять человек убитыми... [170] После того как «красные изверги» расстреляли двенадцать заложников, защитники отечества под командованием этого усмирителя туземцев убили от 400 до 533 «красных» немцев [171].

В борьбе против «подрывного отребья» (уже в Южной Африке) этот будущий наместник Гитлера рекомендовал следовать примеру британских колониальных властей. Британские оценки своих ранних военных успехов он находил особо «достойными» — по сравнению с немецкими [172]. Этому «освободителю» Мюнхена от власти Советов британцы вообще представлялись людьми образцовыми (когда он сравнивал немецкий и английский «колониальный народ»). Настолько образцовыми, что, на взгляд Риттера фон Эппа, «немцу перестают нравиться обычаи его родины, как только он сравнит их с английскими»: ведь у англичан всегда отдают предпочтение отечественному. Образцом истинной расы господ в глазах Риттера фон Эппа делала англичан и обширность их колоний. «Колониальная деятельность — ... выражение величия народов. Пример этого — Англия» [173]. Для

Германии, по мнению фон Эппа, старого вождя «колониальных воинов», «национал-социалистское расовое законодательство дает особые возможности» для управления чужими народами в колониях. Пример Великобритании, по его словам, наглядно показывает [174], что «для испытания характера подрастающего поколения» необходимо «заморское жизненное пространство» [175].

От расы господ в колониях к фашизму в Европе

Утверждается, что колонизация делает из колонизаторов зверей. Так озверели ли голландцы, озверели ли англичане?

Карл Петерс

Слава богу, как «африканец» я прослыл беспощадным.

Генерал Леттов-Форбек

Различие между тем, что «происходило в призрачном, наполовину ирреальном тропическом мире колоний и в Европе, состояло в том... что в Европе для разрушения этических стандартов потребовалось несколько десятков лет, тогда как [в тропических колониях] все совершалось со скоростью короткого замыкания» (Ханна Арендт [176]). Уже у Киплинга стремление «на восток от Суэца» мотивируется так: «лучший [там] — как худший; там нет десяти заповедей». Там «этот тип процветал» и вел британцев к «зрелости расы». Разочаровавшиеся в жизни и потерявшие цель должны были найти спасение от одиночества и отчаяния в некоем тайном обществе — «Потерянном легионе», цель которого (по Сесилу Родсу) заключалась в установлении власти империи над всем «нецивилизованным миром». Этот легион должен был состоять из

джентльменов, хотя в него могли входить и авантюристы из разных слоев общества. Члены легиона отличались решимостью, жестокостью и преданностью своему лидеру. Это была опасная, бесстрашная и готовая на все команда, братство мужественных людей, закаленных жизнью на границе империи, где они выполняли тяжелую работу во имя Британии. Вот что представлял собой «Потерянный легион», существовавший задолго до СС Гитлера.

О «Потерянном легионе» писал Роберт Макдональд, его прославлял Редьярд Киплинг. Слабовольным нечего было делать на границе цивилизованного мира, только люди с «сердцами викингов» могли победить здесь. «Только на границе могут процветать добродетели варваров. Человек, обитающий на границе, живет по законам Природы: мир — это джунгли, где выживает сильнейший». «Он [сильнейший] ведет себя как истинный англичанин, он сознает, что он — лучший, и может доказать свое превосходство... самым жестоким образом». «Потерянный легион утверждает расовое превосходство, это клуб белых людей». Так империалистическая литература (существовавшая и в 1920-е гг.) утверждала господство белой расы над туземцами, а герои этой литературы (как, например, «Captain Kettle», придуманный Hume-Cutcliffe'ом и Sanders, описанный Henry Wallace'ом) еще задолго до зарождения фашизма в Европе являлись «фашистами в своем [выдуманном] королевстве» [177].

Поэтому вполне логичным представляется то, что арестованные нидерландские эсэсовцы во время последней колониальной войны были отправлены в Нидерландскую Ост-Индию защищать западную цивилизацию от цветных «мятежников» [178], а немецкие эсэсовцы, попавшие в плен к французам, — во Вьетнам.

Уже прежний опыт строителей империализма в тропиках способствовал усилению нигилистического отношения европейцев к более слабым народам. В 1857 г. лорд Элджин говорил об «отвращении, презрении, жестокости...

объектами [которых] были китайцы или индийцы» [179]. Период между 1840 и 1860 гг. ознаменовался переходом от «колониального гуманизма» к «эпохе империализма»; на место альтруизма противников рабства пришел цинизм строителей империи. «Утверждая превосходство... белой расы над черными туземцами... нельзя пользоваться привычными нравственными нормами... [ведь] дикари не понимают доброго отношения».

«Высший слой белых дельцов-империалистов» очень быстро решил, что «с азиатами чрезвычайно выгодно обращаться так же, как с неграми» [180]. А в фашизме — именно в английском (в его «Нордической лиге») — англосаксонское высокомерие по отношению к колониальным народам трансформировалось в претензию на элитарное превосходство «нордической расы» над «средиземноморской» в самом британском обществе [181]. По утверждению одного историка, занимавшегося вопросами расы и империи, для многих англичан ближайшим местом жительства «ниггеров» был уже Кале (или Дублин, «населенный “низшей кельтской расой”, эмоциональной и недисциплинированной») [182].

Считалось, что «примеси... иностранной крови» (французской, ирландской, еврейской) «угрожают врожденному превосходству англосаксонской расы». Англичане не рассматривали французов как белую нацию, ведь подчас цвет их кожи почти не отличался от цвета кожи какого-нибудь брамина из Индии. Ирландцы же с пороками, присущими кельтской нации (в противоположность добродетелям англосаксов), являлись постоянным объектом для критики в литературе Викторианской эпохи. Ирландцев — в противоположность англичанам — обвиняли в излишней эмоциональности. «Из всех черт характера, вменяемых ирландцам в вину... эмоциональность... была самой худшей» [183].

Вывод был совершенно очевиден: «кельтам с их характером необходима власть англосаксов, им необходим

порядок, навязанный сверху». А поскольку британские свободы являлись привилегией тех, кто добровольно подчинялся власти, тех, кто способен управлять собой, то кельты попросту не подходили для англосаксонских свобод. И действительно, раз «дикие ирландцы» понимают только силу (как и азиаты), то необходимо, чтобы ими (как и азиатами) управляла превосходящая раса. Такую точку зрения высказывал, например, оксфордский профессор истории Джеймс Фрод. Но даже критиковавший его У. Лекки все же видел необходимость в установлении жесткой формы правления над ирландцами — по образцу британского колониального правления в Индии или даже ориентируясь на самодержавный режим России. И англичане, установившие жесткую власть над Индией, и нацисты, стремившиеся ввести еще более жесткое правление в России, соответственно считали индусов и русских «упадочными», слабыми народами. Такого же представления англичане придерживались и в отношении кельтской нации. Таким образом, и русских, и кельтов следовало исключить из Европейской федерации, о чем говорил Роберт Нокс, утверждая, что «кельтская и русская нации... презирающие... труд и порядок... стоят на низшей ступени человечества» [184].

Действительно, кельты, по мнению англичан, стояли на столь низкой ступени развития, что их описывали как «наполовину людей, наполовину обезьян». Англичане часто проводили параллели между обезьянами, дикарями и ирландцами. Так, в 1845 г. Джеймс Фрод уверял, что он встречал ирландцев, которые больше смахивали на грязных обезьян, чем на человеческие существа. А в 1860 г. популярный британский писатель Чарлз Кингсли (1819—1875) жаловался на то, что в Ирландии его «преследовали толпы человекоподобных шимпанзе». «Вид белокожих шимпанзе ужасен, будь у них черная кожа, было бы легче...» [185]. Ирландцев приравнивали также к свиньям, китайцам, маори и готтентотам. А «ученый» Джон Бид-

доу полагал, что предками ирландцев были негры. Даже «социалисты» Сидней и Беатриса Уэбб называли ирландцев «отвратительной нацией»: «мы ненавидим... ирландский народ так же, как и готтентотов». В 1891 г. отставной британский чиновник, служивший в Индии, утверждал, что он не может относиться к ирландцам как к белым людям [186]. А Томас Карлейль (во время Великого голода 1847 г.) советовал выкрасить два миллиона ленивых ирландских попрошаек в черный цвет и продать их в Бразилию под видом негров.

Раз уж и ирландцев англичане считали черномазыми, то про местное население Индии и говорить нечего [187]. После мятежа 1857 г. индусов непременно называли индийскими «ниггерами» [188]. И именно это «определение» вошло в заглавие эссе, принадлежащего перу столь крупного английского мыслителя, как Томас Карлейль: «The Nigger Question» («Вопрос о черномазых») (1849). Он считал, что «ниггер — это единственный болван [blockhead], единственный дикарь из всех представителей цветных рас, который не вымирает, столкнувшись с белым человеком». По мнению Карлейля, Всевышний предназначил «ниггерам» участь рабов, «рабов тех, кто родился их господами» — «чтобы благодетельный бич принуждал их трудиться». «Черный имеет бесспорное право — быть принуждаемым к работе вопреки своей природной лени. Худший господин [для него] лучше, чем вообще никакого господина» [189]. Таким образом, порабощение для негров естественно; и если гражданская война в США освободит их, они погибнут. В Англии того времени отношение к освобождению негров было резко отрицательным, поскольку британский консерватизм только усиливал расизм англичан. В Англии Линкольна высмеивали до самой его кончины. Гражданская война в США (1861–1865 гг.) усилила расовую гордость британцев.

Даже столь разные люди, как Теккерей и Дизраэли, провозглашали одинаковые лозунги о солидарности ан-

глосаксонцев и избранности английской расы на Юге США [190].

Поэтому Карлейль клеймит гуманитарные организации и общества, борющиеся за отмену рабства, называя их «обществами за универсальную отмену боли», высмеивает их как «союзы защиты негодяев» («Scoundrel Protection Society») — задолго до того, как выражение «слюнявый гуманизм» вошло в лексикон немецких публицистов. Предвосхищая слова Гитлера о «пацифистском хныканье», англичанин Томас Карлейль уже в 1849 г. «основывает» неуместность «сентиментальности» по отношению к расово чуждым элементам тем, что ведь и белые (то есть его соотечественники в Англии) голодают [191] ... Предвосхитил он Гитлера и в другом: согласно Карлейлю, ни один черный не вправе возделывать для собственных нужд «землю, где покоятся останки могучих англичан, землю, пропитанную британской кровью» — «разве что на условиях, продиктованных Британией» [192]. Карлейль, в частности, имел в виду Ямайку. Ямайским диктатором он хотел видеть Эдварда Джона Эйра, который в 1865 г. в качестве демонстрации силы приказал убить 586 негров, чтобы «предотвратить» их восстание (подобное тому, которое произошло на Гаити в 1804 г. и закончилось победой негров) и «резню европейцев» [193].

Сходным образом и европейцы, которые жили в колониях, в зловещем мире тропиков, ощущали свою смертельно опасную изолированность, безнадежно уступая по численности массам туземцев; психология панического страха, порожденная постоянной угрозой для жизни, также побуждала их использовать для поддержания власти методы фашистского типа.

Не один Неру — под впечатлением глобальной войны против фашистского расизма — ассоциировал расистский колониальный империализм на Востоке с фашизмом. Силы движения Сопrotивления в Бирме, объединившиеся под названием «Антифашистская лига народной

свободы», в 1946–1947 гг. боролись против восстановления чужеземного британского господства, причем определение «фашистский» они относили и к британским колониальным властителям с их расистской политикой. (К организации фашистского толка «English Mistery» [194] принадлежал и губернатор Британской Бирмы Дорман-Смит, который в 1947 г. безуспешно пытался не допустить провозглашения независимости в стране.) [195] А когда англичане (вместе с Францией и Израилем) напали на Египет в октябре 1956 г., радио Дамаска объявило (по-французски), что так же, как Сталинград стал могилой фашизма, Порт-Саид станет могилой империализма...

Основанием для того, чтобы ассоциировать фашизм и Третий рейх с колониальным империализмом — самой известной и основной формой которого был британский империализм, — остается расистское понятие «раса господ». Ведь равноправие в Британской империи было «жестко привязано к этнической исключительности, оно основывалось на откровенно постулируемом принципе... верховенства расы завоевателей» [196] [197]. (И многие азиатские ученые и ученые из стран третьего мира полагали, что холокост явился абсолютно логичным продолжением того насилия, которое испытали на себе туземцы во всем мире.) Расово ориентированный империализм исходит из того, что человеку недостаточно заявлять о своей причастности к какой-то нации и культуре, чтобы принадлежать к ним: он должен быть кровно связан с этой нацией. Поэтому так называемых «инородцев» из колоний и в европейской метрополии следует угнетать как людей «низшего ранга» [198].

Среду, где такой имперский расизм усугубляется, развиваясь в направлении гитлеровского геноцида, Ханна Арендт обнаруживает на Черном континенте, в «колониальном» экзистенциальном чувстве тревожности африканской жизни: «Призрачный мир черного материка...

как бы театральная декорация... человеческой жизни, которая казалась совершенно нереальной, а потому преступление [против нее] превращалось в ирреальную игру без последствий. Нечто неясное и призрачное... гибнет с комической гротескностью. Убивая туземца, уничтожали не человеческое существо, а призрак, в реальное существование которого и без того невозможно было поверить. Действие происходило не в некоем мире, а «просто в театре теней». В театре «теней, сквозь который господствующая раса... могла идти напролом, преследуя свои цели». «Мы были отрезаны от окружающей действительности, мы не воспринимали ее; она скользила мимо нас, как призрак... Земля казалась какой-то неземной... а люди... нет, они не были человеческими существами». «Это были “дикие твари”, лишенные свойственных человеку черт... и потому, истребляя их, европейцы не осознавали, что совершают убийство...» в этом «населенном призраками черном мире» [199]. Правда, чтобы подобные экзистенциальные взгляды могли оказать заметное влияние на бесчисленные «теории фашизма», требовался хорошо развитый гносеологический базис, лежащий в основе мировоззрения. Однако даже простое наблюдение из жизни тех же тропических колоний показывает, что доля расистов или же нацистов среди европейцев в колониях была выше, чем в среде тех же наций в самой Европе. Убежденные расисты протофашистского толка в английских колониях были представлены более широко, чем в самой Англии. Сама атмосфера в британских колониальных поселениях способствовала рождению и процветанию фашистских идей. Принадлежность к британской нации в Африке, Азии, Вест-Индии давала такую власть, о которой у себя на родине колонисты и мечтать не могли. В результате колонии оказались раем для сторонников авторитарного стиля правления [200].

Британские фашисты объявляли себя борцами против тех, кто стремится разрушить Британскую империю (т.е.

де-факто собирались защищать интересы англичан из колоний). Они подчеркивали, что ради сохранения Британской империи следует бороться «против всех... революционных движений, способствующих в настоящее время... разрушению... империи». Узы, связывающие английский фашизм с имперским расизмом англичан-колонистов, проявляются в том, что целый ряд британских «фюреров» был так или иначе связан с колониальным империализмом. Так, некий Арнольд Спенсер Лиз (1878—1956) из Имперской фашистской лиги (Imperial Fascist League) (возникшей в 1928 г.) служил на северо-западной границе Британской Индии (и в Кении). А придерживавшийся фашистских убеждений граф Портсмутский являлся представителем расистских британских колонистов Кении [201] [202]. И как раз «за вирулентный антисемитизм и расистско-фашистские воззрения его в первую очередь следует назвать английским Гитлером» [203]. Его «Расовый инстинкт» обострился вследствие пребывания в колониях: в Индию он приехал с расплывчато-либеральными убеждениями, но там «прочувствовал», что «расовая элита» призвана руководить, что «два сапога не пара». Так одно лишь проживание в колонии сделало из Лиза фашиствующего экстремиста [204]. Фюрер «Лиги верноподанных империи» («League of Empire Loyalists») А. К. Честертон был пропагандистом Британского союза фашистов (British Union of Fascists) — лиги арьергардных борцов с распадом британской колониальной империи, союза, особо тесно связанного с бывшей администрацией колоний. Его члены нередко разгоняли собрания организаций вроде «Движения за свободу колоний» или «Общества против рабства» — совершенно в духе Томаса Карлейля и с помощью британских фашистов сэра Освальда Мосли [205], зятя вице-короля Британской Индии лорда Керзона.

Среди французов в колониях расисты протофашистского толка также встречались чаще, чем во Франции;

доктрина национал-социализма в голландских колониях была распространена больше, чем в самих Нидерландах — и среди немцев, живших в колониях, процент убежденных приверженцев Адольфа Гитлера (или его союзников — немецких националистов-консерваторов) был выше, нежели в самой Германии времен Республики [206].

Альфред Розенберг был родом из прибалтийской немецкой колонии Лифляндия, Рудольф Гесс родился в оккупированном британцами Египте. Герман Геринг, как известно, был сыном одного из наместников Германской Юго-Западной Африки, другом которого был Сесил Родс [207], кумир Карла Петерса, служивший ему образцом того, как любой поступок, совершенный ради личной выгоды, можно изобразить деянием патриотическим и потому достойным гордости. Петерс считал себя, так сказать, немецким Сесилом Родсом:

«Я верил, что во мне есть силы, чтобы проводить современную колониальную политику — по английскому образцу, как Сесил Родс...» А Сесил Родс обещал своим землякам, что «закрасит на географической карте красным цветом Британии столько, сколько сможет... по всей земле» [208].

Родс как один из первых создателей британской колониальной империи в Африке и пророк владычества английской расы господ во всем мире стал примером для немца Карла Петерса: в проекте своего завещания Сесил Родс предрекал мировое господство «нордической» расы и (в качестве первой стадии) «распространение британского главенства в мире» — включая британскую колонизацию всей Южной Америки, колонизацию всех стран, в частности, захват всей Африки, побережий Китая и Японии, и окончательный возврат Соединенных Штатов как «неотъемлемой части Британской империи» [209]. Завещание Родса гласило, что «лишь тайное общество, постепенно поглощающее богатства мира», может реализовать эти идеи на практике [210].

В Оксфорде Сесил Родс выучил, что англичане как раса принадлежат к «людям лучшей нордической крови». «Англия должна завладеть каждым куском... свободной, плодородной земли...». Родс был уверен, что Бог желал господства англосаксонской нации, «а лучшим способом помочь Господу в его стараниях... являлось сотрудничество с Ним в возвышении англосаксонской расы». Так, в 1877 г. Родс в своем завещании указывает, что некое тайное общество должно установить мировое господство нордической расы, «работать во имя распространения в мире власти британцев» [211]. «Думаю, что сам Господь желает, чтобы я действовал так, как действует Он сам, — писал Сесил Родс. — [«Родс не оставлял места для возражений. Настаивать на том, что правда всегда означает добро, было пустой тратой времени», — вспоминал один его собеседник.] А так как сам Всемогущий определенно превращает англоязычную расу в свое избранное орудие... он желает, чтобы как можно больше территорий на карте мира я окрасил в британский цвет... — чтобы распространить влияние англоязычной расы» [212]. Вплоть до настоящего времени родовские стипендии служат консолидации элит англосаксонской расы и вообще нордических элит [213]. Присутствие стипендиатов Родса в Оксфорде прививало там расовые предрассудки, способствуя их росту в Кембридже [214]. (Кстати, среди качеств, необходимых для стипендиатов, Родс особо отмечал «брутальность».)

«Какое счастье — родиться англичанином в мире, где миллионы родились не англичанами». «Туземцев» же следует изолировать от «избранной» англосаксонской расы и вообще от «белых», — настаивал Сесил Родс [215].

Даже миссионеры не должны были обучать туземцев, поскольку из последних выходили лишь «проповедники для кафров и редакторы газет» — «к тем и другим Родс чувствовал выраженную неприязнь». Адольф Гитлер позже так же яростно высказывался против про-

свещения представителей «низшей расы». Задолго до него Сесил Родс выступал против введения избирательного права для негров, именно оно, считал он, привело к бунту «черных» на Ямайке в 1865 году. И вообще, по его мнению, «туземцы... не должны много позволять себе», — при национал-социализме такая точка зрения считалась особенно похвальной [216]. Так было суждено исполниться словам «историка», писавшего: «нерожденные еще поколения почитали его память; и пусть беснуются враги Английской империи». И правда же, «как могут жалкие бедняги понять волю Сесила Родса к властвованию, горевшую в голубых глазах этого белокурого англичанина с чертами ястреба», — вопрошал Ханс Гюнтер. «Быть властителями над ними, и пусть они станут покоренной расой» [217].

И в том же духе Сесил Родс, этот светоч африканских немцев в их имперских устремлениях, заявлял следующее: по отношению к «варварам из Южной Африки нам следует применять систему [британско-] индийского деспотизма». С удовольствием он брал на себя и задачу поучать английский народ, укрепляя в нем имперскую веру. В 1895 г. он выдвинул доктрину, согласно которой для «расового единства» первостепенную важность имеют прибыли с колониальных территорий [218]. Сесил Родс совершенно открыто заявлял: «Я поднял глаза к небу и опустил их к земле. И сказал себе: то и другое должно стать британским. И мне открылось... что британцы — лучшая раса, достойная мирового господства» [219] и прежде всего господства над Африкой, мрачным Черным континентом экстатической тревожности, ожидающим, когда его укротит раса господ.

Оргиастическое вождение черного мужчины к белой женщине — т.е. коллективное бредовое представление об этом — стимулировало расово-сексуальную ненависть белых к цветным. Вплоть до политики апартеида в Австралии (считалось, что там, как и в колониях, британ-

ская раса представлена лучше, чем в космополитической и «зараженной ниггерами Британии») [220]. Вплоть до рифмованной краткой молитвы австралийского «поэта» Генри Лоусона [221] о «силе веры», которая позволила бы ему убить собственных женщин, «чтобы уберечь их от поцелуя [цветного] прокаженного». Еще в 1921 г. подобный «идеал» белокожей Австралии считался «национальным идеалом» — при полной его поддержке со стороны британской расы [222]. Подобная одержимость «кошмаром» ненасытного, недочеловеческого сладострастия, свойственного неарийцам, нашла свое продолжение в подстрекательствах национал-социалистского «Sturmer» с его стереотипами «еврейской похотливости»: эта газета, единственная, которую не было скучно читать Гитлеру (по его словам), напоминала (под заголовком «Volksjustiz» («Народное правосудие»)), что лучший способ подвигнуть толпу на суд Линча — обвинить черного в изнасиловании белой женщины [223].

Глава 2

Вдохновители гитлеровских «железных законов бытия»

В результате английское общественное мнение... создало плодородную почву для появления несчетного множества мировоззрений биологического типа, ориентированных исключительно на расовые доктрины.

Ханна Арендт

Национал-социализм... выводил многие свои расовые догматы... из британских научных постулатов девятнадцатого и начала двадцатого века... Из таких воззрений вытекало мнимое превосходство англосаксов.

Ричард Терлоу. «Фашизм в Британии»

Нация, назначением которой было властвовать над низшими расами.

Сомервилл. «Духовные течения в Англии»

Англия, которая, завоевав мир, вступила в контакт с более слабыми расами, подверглась искушению — в проклятой гордости кровью и цветом кожи, гордости империей — позабыть, что это не отменяет, а лишь усугубляет долг сохранять человечность.

Р. Босуорт

[Согласно Мильтону] самый могущественный и успешный империалист — Бог.

Джон Мартин Эванс

Ветхозаветная избранность Англии

Итак, именно англичанин — причем высокопоставленный представитель церкви — возвестил: «Окраска кожи негра составляет непреодолимое препятствие к тому, чтобы его можно было допустить в наш род [species]» [224], предвосхитив гитлеровские «железные законы бытия» и идею избранности «провидением».

В свою очередь, колоссальное влияние социального дарвинизма на расовый империализм Англии было связано и с давними стремлениями подобной «науки» «биологически» обосновать принадлежность англичан к высшей расе, обосновать присущее им сознание своей избранности, которое вытекало из их буржуазного пуританства и стало составной частью «необиблейского» представления о высокой миссии Англии. Мало того, что социальный дарвинизм хорошо сочетался с кальвинистским пуританским учением о предопределении («Некоторых Я избрал по особой Своей милости, поставил их выше всех прочих; такова Моя воля» — вот какие слова приписывал самому Богу Джон Мильтон): Ричард Хофстедтер даже назвал социал-дарвинизм натуралистическим кальвинизмом [225].

Сила — это право («Might is Right») — знаменитый догмат Карлейля, постулированный во имя ветхозаветного Бога. Этот догмат призывает: поражай «невежество, глупость и грубость ума [226] ... — хотя бы только с тюрьмами, виселицами... поражай их... неустанно... во имя Бога... Всевышний Господь... повелевает тебе это» [227].

«Если ты хочешь вытащить человечество, пусть не в небеса, а хотя бы из ада, — вышиби его оттуда», — призывал набожный каноник (сапон) Чарлз Кингсли [228] [229]. В доказательство этой мысли сей британский слуга божий приводит в пример самого Бога: «Когда Карл Великий повесил четыре тысячи саксов на мосту через Везер, не благословил ли Бог этот ужасающе справедливый приго-

вор? Вы верите в Ветхий Завет? Конечно; тогда скажите, как понимать уничтожение ханаанейн?» Это уничтожение автор рассматривает как прецедент, оправдывающий переход от необходимой самообороны к самой настоящей войне, как, например, на Северном Борнео [230]: «Истребить одно племя, чтобы спасти целый континент, — значит ли это “пожертвовать жизнями людей”? Пусть докажут, что это жизни людей. Это жизни хищных зверей. Эти даяки приняли облик зверей». «Вы, малайцы и даяки Саравака, вы... враги Христовы... вы звери [beasts], тем более опасные, что обладаете получеловеческой хитростью». (Даже организатор движения бойскаутов Баден-Пауэлл уже в 1899 г. утверждал, что лучшим спортом, который поможет справиться с «дикими зверьми человечества», является «охота на людей».)

Точка зрения, что русские (на «восточных» пространствах) — это «зверюды» (Tiermenschen), а евреи — как «недочеловеки» — вообще не люди, как известно, была неотъемлемой частью психологии массовых убийств, совершавшихся национал-социалистами.

«Я гоняюсь за врагами моими и истребляю их, и не возвращаюсь, пока не уничтожу их; И истребляю их, и поражаю их, и не встают, и падают под ноги мои» (Вторая книга Самуила, 22: 38–39 (хвалебная песнь Давида), — продолжает Кингсли, английский священнослужитель, в 1849 году [231]).

И таким образом «расизм, санкционированный ветхозаветным пуританством и социальным дарвинизмом, создал атмосферу, в которой обычный контроль над животным началом в человеке мог значительно ослабеть» [232].

Англичане — согласно классическому английскому историку, занимавшемуся войной за независимость Индии 1857 года — были готовы, как в Ветхом Завете, «убивать каждого, разить в плечо и бедро» [233].

Именно после этого «мятежа» индийцев стали называть «черномазыми», о них заговорили с «полным презре-

нием и настоящей ненавистью». Мятежных индийцев «теперь стали относить к низшим формам жизни — наравне с крысами, змеями, насекомыми» [234]. «Ни один цветной не мог чувствовать себя в безопасности... потому что британцы стремились убивать всех “туземцев” без разбора...» Подозреваемых в участии в мятеже или сокрытии бунтовщиков вешали, насаживали на штыки, расстреливали. В 1857—1858 гг. в Дели британские солдаты, по всей видимости, подкупали палачей, чтобы те продлили мучения приговоренных к повешению; им очень нравилось наблюдать, как осужденные танцуют «хорнпайп» [235], извиваясь в смертных судорогах [236].

«...Британские солдаты даже слишком старались, исполняя приказ не шадить никого старше 16 лет (естественно, за исключением женщин)». После подавления мятежа в одном только Джханси было убито около пяти тысяч индийцев — в несколько раз больше, чем всех британцев, погибших во время восстания. В то же время большая часть информации об ужасных преступлениях индийцев, распространявшаяся в Англии, была очень далека от правды. На самом деле сипаи почти или даже вовсе не совершали никаких зверств. И все же британское общественное мнение единодушно отказывалось «понять англичан, симпатизировавших черномазым». А некоторых из подсудимых мятежников вынудили предстать перед судом с завязанными ртами, и, таким образом, они были лишены возможности отвечать на обвинения [237].

«Что касается черномазых, так большинство действительно желает уничтожить всех обладателей черной кожи, независимо от того, друзья они или враги», — в 1896 г. писал из будущей Южной Родезии своим родителям британский очевидец событий [238].

При этом протестанты полагали, что «общепризнанная чистота помыслов могла освободить англичан от моральной ответственности за кровь, пролитую во имя соблюдения империалистических интересов» [239].

С другой стороны, британский историк Мэнген характеризует проповедь, произнесенную в день памяти Ватерлоо (издана в 1899 г. под заголовком «Божественное руководство нациями»), следующим образом: она «пропитана кровью ветхозаветных битв, наполнена расистской бранью, отличается чувством самодовольства благодаря островному высокомерию... шовинизму, ханжеству и расизму» [240].

А вдова каноника Чарлза Кингсли вспоминает с гордостью: «Его глаза обычно светились и наполнялись слезами, когда он вспоминал, как впервые услышал — чтобы никогда не забыть — бряцанье офицерских сабель и шпор, мерный топот ног солдат, входивших строем в церковь; эти звуки потрясли его подобно звукам труб» [Страшного суда?] [241]. «Военная история нашей расы всегда волнует кровь», — напоминал британский историк Уильям Фитчетт (еще в 1910 г.) [242].

«Британский шовинизм (усиленный элементами, в скрытом виде присутствовавшими в пуританстве) ... за несколько мгновений превратил таких людей, как Кингсли и... Карлейль, в [почти что гитлеровских] штурмовиков (sic)». Такую формулировку дает Хотон [243].

Статус человека предполагает равенство, а поскольку было объявлено, что некоторые представители человечества в глазах Бога не должны обладать равными правами с остальными, то их вообще перестали считать людьми. Им как бы и не было предопределено быть человеческими существами.

Во всяком случае в 1936 г., т.е. в начальный период существования Третьего рейха, национал-социалисты — именно в контексте «владычества белой расы» — признавали избранность англичан: «Коль скоро англичанину несомненно удалось занять ведущее положение внутри белой расы и повсюду предстать перед цветными представителем Европы как таковой, нельзя не... признать, что он... предназначен расой (sic) для выполнения этой

задачи» [244]. «При этом важнее всего, что религиозное учение о предопределении (почерпнутое ими из Ветхого Завета) трансформировалось у них в выраженное расовое сознание. Уже не как протестант, но как англосакс он [англичанин] считает себя избранным для власти над миром... Власть над миром стала для него важнейшей частью его земного призвания» [245].

«... Свои притязания на роль единственного избранного народа они воплощают в жизнь с ветхозаветной силой и даже жестокостью» [246]. В оде к Океану, написанной Э. Юнгом в 1728 г., говорится: «Небеса повелели... дать вам владычество над человечеством» [247].

О том, что избранные орудия должны сохранять свою избранность «в духе Ветхого Завета», вновь напомнил премьер-министр империалистической Великобритании — Бенджамин Дизраэли в 1870 г. [248] Наконец, Редьярд Киплинг — бард английского расового империализма — торжественно объявил англичанам: «Воистину, вы происходите из Его (sic) Крови» [249]. Основой «уникальности» имперской идеологии Англии была именно британская кровь. Ведь еще задолго до Гитлера британское общество обосновывало претензию на свою гегемонию в империи [250] именно своей расовой чистокровностью.

Нацисты (даже в 1940 г.) с восхищением признавали британскую мотивировку избранности английского народа, основанную на «духе расы» и «узах крови, которые связывают предков и потомков», мотивировку, основанную на избранности самой Судьбой [251].

Чисто теоретически Генрих Гиммлер мало что добавил к этому (зато намного больше — на практике), когда произнес: «Пока жива наша кровь, наша нордическо-германская кровь, на сем земном шаре Господа Бога будет порядок» [252]. А Ветхий Завет, похоже, ничуть не помешал Адольфу Гитлеру «вспомнить» следующее: «Не может быть двух избранных народов. Мы — народ Бога. Разве этим не все сказано?» [253]

Кое-что, конечно, этим сказано. Сказано, каким образом следовал он — он и его «провидение».

Еще в XVII веке отождествление Англии с библейским Израилем, представление, что Англия связана с Богом особыми узами, являлись общепризнанными, особенно в среде пуритан. Считалось, что «англичане, как некогда иудеи, — избранный народ Бога» [254]. «Англия как Новый Израиль... избранный и уникальна», — в 1580 г. провозгласил Джон Лили [255]. Уильям Саймондз в своей проповеди в 1607 г. связывал завет Бога с Авраамом «с английской нацией, избранным народом нового времени <...> с замыслом Бога об избранном народе». Подобно тому, как «сыны Израиля изгнали ханаанеян... англичане должны были вытеснить язычников с их земель в Новом Свете». В 1613 г. Самуэль Пёрчаз также провозгласил, что британская нация является избранной [256]. Известно, что и Оливер Кромвель считал не весь христианский мир, а именно английский народ «народом Бога», Новым Израилем, сражающимся в битвах Господних. В 1653 г., произнося свою первую речь в парламенте, Кромвель заявил, что Англия была призвана Богом, как когда-то иудеи — чтобы править вместе с Богом и исполнять его волю [257]. В «Потерянном рае» Мильтона силен империалистический стиль мышления: в нем говорится об особом божественном провидении, ниспосланном Англии и ее избранному народу, которому предстоит установить свое царство по всему миру: «Твое семя сразит Врага нашего» [258]. О Новой Англии говорилось: «Бог предназначил эту страну для нашей нации, уничтожая туземцев чумой, не тронувшей ни одного англичанина [259]. Итак, исчезновение туземцев приписывалось Провидению, которое было сродни геноциду. В результате эпидемия чумы 1616–1618 гг., завезенная в Новую Англию британскими рыбаками и поразившая большую часть местного населения (но не затронувшая англичан), также расценивалась как воля

Божья. Утверждалось, что Божественное Провидение предназначило Новую Англию именно для англичан, свидетельством чего и была эпидемия, которая оказалась как нельзя кстати, поскольку освободила место для английских переселенцев-пуритан. А в 1653 г. из Новой Англии «с чувством глубокого удовлетворения» сообщали, что благодаря «чудесным трудам великого Иеговы» численность массачусетского племени индейцев сократилась с тридцати тысяч до трех [260].

У Джона Мильтона не было ни малейшего сомнения в том, что тот, кто попытается противостоять избранному Богом народу, будет на веки вечные ввергнут в самые недра Преисподней и обречен на вечные муки. Подобные высказывания Мильтона явно повлияли на Сесила Родса, который утверждал, что вера Мильтона в избранный Богом английский народ должна стать основополагающим принципом, вдохновляющим британцев на расширение империи [261].

Аналогичный принцип прослеживается и в немецкой «Идеологии английской культуры» [262] 1941 года — года, в который Гитлер был наиболее близок к осуществлению своей мечты о мировом господстве. Когда же стало ясно, что его мечтам не суждено сбыться, министр пропаганды Йозеф Геббельс совершенно серьезно заявил, что «богиня Истории, должно быть, шлюха», раз она не отдала победу Фюреру, ведомому Провидением. Ибо, как утверждал один из более ранних «специалистов» по превосходству белой расы: «Бог, так сказать, обязан... помогать [избранному народу]» [263].

В начале XVIII столетия «благословение небес» распространилось и на заморскую часть Британской империи. Ведь, — как уверял Киплинг, — Англия смогла захватить власть над заморскими территориями благодаря «особому благоволению Господа», а платой за его милость стала пролитая английская кровь. Современник Гитлера — британский поэт Альфред Нойс, родив-

шийся в 1880 г., также отзывался об английской нации как об избранной Богом. Он, как, впрочем, и Суинберн (1837–1909), представлял английского Бога как «Бога воинственного» — так утверждалось (за пять лет до прихода Гитлера к власти) в немецкой монографии об империалистических течениях в английской литературе [264]. Воинствующее христианство с его идеей расового превосходства, описанное в книге Макдональда «Язык Империи», несет в себе скорее языческое представление о боге [265]. А в «Прелюдии к Империализму» рассказывается, что миссионеры в Центральной Африке были склонны проповедовать строгие ветхозаветные принципы, а отнюдь не идею о любящем Боге Нового Завета.

Благодаря контакту с южноафриканскими бурами уверенность в избранности белой расы среди всего черного мира — избранности белых (то есть светочей) для владычества над черными (в конечном счете «мракобесами»), которым «предопределен» подневольный труд [266] — смогла получить дополнительное подтверждение. У расистов, империалистов и торгашей типа Сесила Родса и Ханса Гримма эта вера стала столь крепкой, что она канонизировала ловких дельцов: «Когда на земных делах человека лежит благословение божье — иными словами, когда его дело продвигается...» [267].

Не только в 1853 г. в покорении Великобританией Индийской империи многие видели «еще и перст божий в истории» [268]. Но и в 1897 г. один исторический компендиум вещал: «За ошибками и неудачами индивидуумов мы ощущаем незримое, надзирающее [за всем] провидение как источник судеб англосаксонской расы» [269]. А уже в первом году двадцатого столетия лорд Розбери, на сей раз как глава Университета Глазго, в речи по случаю присуждения ученой степени изрек: «Разве за это нам не следует столь же восхвалять энергию и искусность расы, как и длань Всевышнего?» [270]

Британский «сапф» [271]: двойной стандарт Англии

В том, что делают святые господни, греха быть не может... — это... догмат непогрешимости для английского мещанина.

Вильгельм Дибелиус

Киплинг придерживался того простого правила, что любая раса, препятствующая соблюдению собственных интересов, является низшей.

Уорсли Т.

«Barbarians and Philistines.

Democracy and the Public Schools», 1940 г.

Господь, наш Бог, Высочайший... Он проложил нам путь до краев земли.

Р. Киплинг.

«Песнь Англичан»

В конечном счете тем, кого Бог избрал Своей милостью, так же невозможно ее утратить, как и тем, кому Он отказал в ней, — приобрести ее... С этим сознанием божественной милости к избранным — а значит, и святым — здесь соединялось представление о греховности ближнего, которое вызвало не осознание собственной слабости, а ненависть и презрение к тем, кто отмечен знаками вечного проклятия. Уже с 1619 г. кальвинизм утверждал: «Бог так хранит избранных... что, несмотря на их грехи, они все равно не лишаются милости Божьей» [272]. Таким образом принадлежность к группе избранных давала нечто вроде карт-бланша на любые поступки: люди, входившие в число избранных, считали, что они по определению «неспособны» на грех — ведь избранные «не могут» совершить несправедливость. «Пусть английский народ... избранный Богом, предназначенный Им для господства,

народ, которому суждено блаженство, впадет в самый тяжкий грех — на его избранности это не отразится ни в малейшей степени... В том, что делают святые господни, греха быть не может, как бы скверно их дела ни выглядели. [Не в том дело, что совершается, а в том, кто свершает эти дела: «Британцы — раса, избранная Богом... потому действия британцев не могут быть неправедными...»] Для английских мещан это... догмат непогрешимости... в который они верят более ревностно, чем католики — в непогрешимость папы» [273].

Подобные установки входили в состав знаменитого британского «cant» [274].

Правда, уже немецкий англист Вильгельм Дибелиус в 1929 г. заметил, что «слово “лицемерие” — не всегда является точным переводом слова “cant”... Ведь лишь на высокой стадии развития человек может научиться... более или менее различать эгоистические и альтруистические мотивы [в том числе и] в собственной деятельности. В Англии число людей, способных на это, бесконечно мало». Здесь же Вильгельм Дибелиус перечисляет архаичные черты характера нижнесаксонских крестьян (родственных англосаксам): чванство вследствие «незнания окружающего мира... неспособность понимать или признавать вещи, уязвляющие самолюбие» [275]. С другой стороны, Вильгельм Дибелиус, брат епископа Отто Дибелиуса (имя которого ассоциируется с противниками Гитлера), подчеркивает, что подобный «cant» ведет к притуплению чувства истины», создавая опасность для нравственности всей [британской] нации [276].

Правда, рассуждая о нравственности в духе немецких кантианских представлений (которые еще были актуальны в Германии 1920-х гг.), Дибелиус, возможно, недооценил значение для британской власти критерия прагматической пользы, который вскоре и в немецкой политологии (следовавшей англосаксонскому образцу) стал почти что естественным.

(Так, даже историки, занимавшиеся Второй мировой войной, почти не обращали внимания на различие, существовавшее между тем, что проповедовала Британия, и тем, какую политику она проводила на практике. С одной стороны, когда Англия стремилась сокрушить гитлеровский «новый порядок», лондонская радиостанция «Передатчик европейской революции» [277] (вещавшая в 1940–1942 гг. на короткой волне длиной 31,2 м по ночам через каждые два часа) пыталась поднять немецкий народ «на последнее восстание» против Гитлера и призывала к «политической и социальной революции». С другой стороны, когда сохранение дисциплины и порядка в лишенной правительства Германии стало отвечать английским интересам, немецких военных моряков, отказавшихся подчиняться Гитлеру (и адмиралу Деницу) и уже находившихся под охраной британцев в качестве военнопленных, могли судить и судили «военным трибуналом» «верные фюреру» офицеры, которые и вынесли им приговор: по британским представлениям, военно-уголовный кодекс Третьего рейха вместе с его процедурой судопроизводства продолжал действовать в отношении немцев и в британском плену [278].)

Таким образом, лондонский корреспондент «Volkischer Beobachter», возможно, не слишком преувеличивал, утверждая, что степень демократии и гуманности в Англии определяется «крупнейшей аристократической и военной организацией, какую только знает мир, а именно... Британской империей». По его словам, «эта демократия и гуманность применяются только там, где это необходимо, и только в той мере, насколько это необходимо... для сохранения власти за германско-британским господствующим слоем» [279].

Один из лозунгов Британии во время Англо-бурской войны (1899–1902) (которая не в последнюю очередь была развязана из-за африканских запасов золота) звучал так: «Справедливость и свобода для мира» (а не только «для Бога»). С другой стороны — утверждается, что в «Bank of

England» оказалось кое-что от того золота, которое попало в гитлеровский Рейхсбанк из челюстей европейских евреев, убитых теми, кто практиковал расизм... (В 1996 г. стало известно, что в «Bank of England» хранятся два золотых слитка с маркировкой гитлеровской Германии.) [280] «Англичане должны... при их значении и миссии в мире, получить ответственность за место [т. е. власть над местом], где в земле лежит золото», — настаивал (имея в виду золотоносные районы Южной Африки) гитлеровский пророк «народа без пространства» Ханс Гримм [281].

Именно кредо Великобритании: «My Country, right or wrong» («Это моя страна, права она или не права») — избрал для себя первый завоеватель жизненного пространства для Германии в Африке Карл Петерс. Тот факт, что в Англии над иностранными «обвинениями против соотечественников [только] презрительно смеются», не принимая их всерьез [282] и даже не интересуясь, правдивы ли эти обвинения (как это делалось в кайзеровской Германии его времени), Карл Петерс считал достойным подражания. «Людей, которым доставляет удовольствие осыпать себя прахом самообвинения [т. е. предшественников тех, кто “выносит сор из избы”], в Англии нет», — напоминал и бывший южноафриканский торговец Ханс Гримм [283]. «Великобритания — образец для всего мира», — уверял Карл Петерс в своей книге об Англии еще во время Первой мировой войны [284].

И соответственно Гитлер утверждал (1942), что следует обучить «немецкий народ... подобно англичанам, лгать с самым искренним видом...» [285]. До некоторой степени ему удалось сделать немецкую военную пропаганду периода Второй мировой войны более похожей на английскую 1914—1918 гг., чем на пропаганду Германии того же времени [286]. Ведь именно этому имперскому дискурсу «была свойственна тенденция нравственной переоценки, при которой грех или вырождение приписываются жертве, а не виновнику империалистической агрессии» [287].

И коль скоро собственная, избранная группа, «имперская раса» никогда в жизни — уже по определению — не смогла бы поступить безнравственно, не оставалось ни малейшего места для оценки своих поступков по этическим меркам. Этические мерки прикладываются лишь к другим, неизбранным — для осуждения их. Отсюда вытекает традиция оценивать действия собственного правительства с прагматической точки зрения, а действия соперников — исходя из моральных категорий. И пока считается аксиомой, что группа, в которую входят оценивающие, то есть группа избранных, уже по определению не может поступать несправедливо — применение двойного стандарта, естественным образом положенного в основу всех рассуждений, представляется абсолютно логичным; даже если эта группа «всего-навсего» практикует принцип, гласящий, что «сила — это право».

Утверждается, что даже Джеймс Фрод, оксфордский профессор истории, высказывал следующую точку зрения: когда британцы совершают подобные поступки, то это происходит на благо человечества, но когда эти же поступки совершает кто-либо другой — это грех, который нельзя допустить [288]. Подобный «прагматизм» привел к систематической замене понятия «правда» понятием «польза». «Составной частью правды благодаря лицемерию (*sant*) становится польза» — так звучит немецкое определение этого английского феномена, данное Максом Шелером в середине Первой мировой войны [289].

На рубеже веков британский электорат, не задумываясь, предпочел консерваторов, стремившихся свести понятие морали к уровню благосостояния в собственной стране и развитию национальных интересов за рубежом, и отверг тех политиков, кто, по крайней мере, на словах взывал к соблюдению общечеловеческих этических норм [290].

«История британского патриотизма», изданная за год до объявления Англией войны Германской империи [291],

включает утверждения, что «любовь к человечеству — абстрактное интеллектуальное представление», «буддийский яд для патриотов», а также уверения, что «Бог не может находиться в противоречии с Отечеством», в этой книге прослеживаются и ветхозаветные притязания англичан на роль избранного народа. Таким образом, Господь Бог опять стал Богом войны.

И христианство тоже не должно было более оставаться универсальной религией — речь шла о том, чтобы больше не европеизировать индусов, в том числе и путем принятия христианства: пусть оно остается, так сказать, знаком отличия (в ветхозаветном понимании) англичан с их уникальностью, с их избранностью [292].

Столь же мало универсализм Нового Завета (отсутствующий в Ветхом) помешал тому, чтобы в Англии — в свете британской колониальной идеологии — была принята на ура расистская проповедь об избранности англосаксов, с которой выступил американский проповедник-конгрегационалист Джозия Стронг (принадлежавший к «социальным евангелистам») [293]. Он как раз настаивал, что «низшие» расы должны уступить место «высшим». Джозия Стронг заявлял: «И вот туземцы Северной Америки, Австралии и Новой Зеландии исчезают перед лицом завоевателей всего — англосаксов... Ведь эти низшие племена были лишь предшественниками высшей расы... Так прочь с дороги, которую проложил Господь!» [294]

В конечном счете для Стронга — за четверть века до Гитлера, ведомого «провидением» (согласно «Mein Kampf») — неравенство рас было делом рук не кого иного, как самого Всевышнего. И в вымирании североамериканских индейцев Стронг видел проявление божьей воли: они должны были освободить землю для лучшей расы — англосаксов. Ведь «высшие расы», по его мнению, должны были прийти на смену «низшим» во всем мире. А поскольку проповедник в этом контексте поминал волю Всевышнего и, сверх того, ссылаясь на утверждение (считавшееся тогда выводом

«общественной науки»), что выживает сильнейший (и более приспособленный), — ему был открыт доступ в круги как английских реформаторов, так и английских консерваторов. Все они приветствовали (столь приятную для них) весть о превосходстве англосаксов и их неминуемом торжестве над расово неполноценными [295].

Таким образом, Стронг делал все, что мог, для доказательства расового превосходства англосаксов, задействовав, помимо божественного провидения, еще и социальный дарвинизм [296], — на который как на «железные законы бытия» обычно ссылался Гитлер.

В то, что «высшее величие назначено британцам природой, верило большинство англичан в Индии» [297]. И не только в апогее империалистической эпохи. Ведь уже в 1850 г. популярный в то время автор, Мартин Ф. Таппер [298], заявлял в журнале «Англосаксон»: «Мир — это шатер для истинных властителей мира... Мир — это мир для [англо] саксонской расы». В том же году даже анатом Роберт Нокс, человек с медицинским образованием, провозгласил: «Раса, то есть наследственность, происхождение, — значит всё: она определяет человека» [299].

Избранность англосаксонской расы как властительницы мира должны были доказывать и восхваления британского империализма, расточаемые английской историографией. Среди подобных книг можно назвать труд сэра Чарлза Дилка «Более Великая Британия» (Лондон, 1860, 1867, 1894). Этот автор пророчил крупный расовый конфликт, из которого англосаксы — как «более ценная» раса — должны были выйти победителями рас «более дешевых» [shearer]: ирландцев, китайцев и всевозможных «туземцев». А «Китай, Япония, Африка и Южная Америка вскоре должны достаться всепобеждающим англосаксам... Италия, Испания, Франция, Россия станут карликами рядом с таким народом» — и все это ради высшей цели [300]. «Расширение Англии» сэра Джона Сили (Лондон, 1883) также выводило право на мировое господство из (мнимого) превосходства